

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дитя РАЗДОРА

Громова Ульяна

Ульяна Громова

Дитя раздора

«Автор»

2023

Громова У.

Дитя раздора / У. Громова — «Автор», 2023

Правильно говорят, что благими намерениями выстлана дорога в ад. Ради жены я сделал Катю любовницей и забрал у нее нашего сына. Я жестоко использовал полюбившую меня женщину, обманул и растоптал. Только и моя жена Наташа сделала со мной то же самое. И гораздо раньше, чем я стал чудовищем ради спасения нашей семьи. Я был глух и слеп, а она права: муж — голова, жена — шея. Она вертела мной, как хотела. Да только мозг все равно в голове. А шею... Шею можно и свернуть.

© Громова У., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть первая. Дитя раздора	5
Глава 1. Запретная связь	6
Глава 2. Воспитание жен и мужей	13
Глава 3. Простая, как грех	20
Глава 4. Контакты высшего уровня	27
Глава 5. Организация пространства	34
Глава 6. Муж – голова, жена – шея	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ульяна Громова

Дитя раздора

Часть первая. Дитя раздора

Она – его жена. Я – любовница. Она красивая. Я беременная. От ее мужа. Но у Артёма с самого начала были свои планы, в которые я не входила.

Глава 1. Запретная связь

Мы выбираем, нас выбирают.

Как это часто не совпадает...

Катя

Кровать скрипела. Луна светила в открытое окно деревенского дома, белые прозрачные занавески легонько колыхались на сквозняке.

Артем, нависнув надо мной на вытянутых руках, ритмично работал бедрами между моих разведённых и согнутых в коленях ног. Мы смотрели друг другу в глаза, я обхватила ладонями его локти.

Наши встречи по ночам стали для меня наваждением.

Чужой муж. Муж моей подруги. Мужчина, которого я люблю и от которого ношу ребенка. Это наше сознательное решение – потому что Наташа бесплодна. Конечно, непорядочно с моей стороны, но в любви каждый сам за себя. Неприятно, конечно, но за запретную любовь нужно платить.

Ее ритм ускорялся – Артем двигался все быстрее, уже запрокинув голову и приоткрыв рот, постанывая так сладко, что горячий поток предоргазма хлынул из глубины плоти и словно передался моему любимому. Он дернулся сильнее, втиснув толстый член в меня до упора, и содрогался от экстаза с каждым сокращением моих внутренних мышц.

– Катюха... – прошептал Артём мне на ухо, ложась рядом, – мы с Наташкой в город переезжаем через месяц.

– Будем видеться там, – улыбнулась я и провела по потному лбу любимого кончиками пальцев. – Рожать я все равно туда поеду. Да и лучше уехать из деревни, тут ведь сразу поймут, чей у меня сын, когда он родится. А там папина квартира как раз освободится – я уже предупредила квартирантов.

– Ну так это же круто, Катюха! – сжал меня в объятиях любимый. – А я уж и так, и сяк вертел, думал, как быть. Не хочу, чтоб сын далеко был, видеть его каждый день хочу. Получается, все удачно складывается!..

Артем зацеловал мое лицо, шею и грудь, со вздохом отстранился и сел на постели. Красивый, статный, с таким телом, что ослепнуть можно. Сильный, большой.

Не мой.

– ...Ну, мне пора... – горько вздохнул он.

Провел теплой ладонью по моей ноге от колена к бедру, подмигнул довольно, натянул спортивные штаны и футболку, обулся и выпрыгнул в окно.

Артём

Наташа ждала меня, как и всегда. Сидела на постели и кусала ногти. Жене нелегко давалось спокойствие, когда я уходил «выполнять любовный долг» к ее подруге. Еще тяжелее удавалось делать вид перед ней, что ничего о нас не знает.

Вошел в комнату, сдернул с себя все и обхватил ее крепко руками, устроившись за спиной.

– Люблю тебя, моя девочка... – поцеловал в шею и скользнул по обнаженному плечу. – Хочу тебя, сладкая...

– Не могу больше так, Артем, – чувствовал, что вот-вот заплачет, – меня прямо разрывает от всего этого, как представляю, как ты там с ней... Гадина! Подруга называется!

Наташа все-таки заплакала, развернулась ко мне, обхватила шею и ткнулась в плечо мокрым носом. Моя любимая, единственная моя, радость, счастье мое... Мы сами это с нами натворили.

– Не плачь, Наташ, я реально только тебя хочу, а с Катей только здоровая физиология. Душой я только твой, ты же знаешь – никто мне не нужен. Люблю тебя одну...

– Я знаю, – жалобно захныкала, прильнула всем телом.

У меня крышу каждый раз срывало, когда она вот так прилипала, когда твердые соски через шелковую тонкую маечку прикасались к моей груди, когда живот к животу. Мы с ней уже несколько лет вместе, а я все реагирую на нее как в первый раз.

Нас тогда обоих унесло. Она на практику приехала на две недели в город наш Перевальск, в конторе в архиве бумажки перебирала. Невинная, но тело уже взрослое: бедра крутые, попа большая, грудь третьего размера торчком. А я самый молодой там был, хоть и старше ее на пять лет. Первую беременность ей заделал уже через два дня – пригласил в клуб, возбудил, совратил. Упоительно так было с девственницей. Неопытная, забавная, стеснительная как ни одна до нее. Наташа в общаге жила в отдельной комнатухе, никто не присматривал за ней. И мы все ночи до ее возвращения в колхоз трахались. Вспомню, как раком поставил, рассмотрел всю, потрогал и засадил первый раз, так член колом встает.

Думал, когда уехала, забуду ее, а не смог. Ломало без нее, бросил все и в деревню прикатил к фермеру на технику проситься. Принял. А я к бабке Наташкиной пришел на постой проситься – домов пустых не было, а мне и не надо. У Наташки родители, когда живы были, двухэтажный коттедж отгрохали.

Бабка сдала мне комнату. Так что не было проблем у нас с Наташкой, где встречаться. Только молода она еще была, и я тоже дурак, детей оба не хотели, аборт сделали. После первого все нормально было, а вот второй...

А бабка-то, оказалось, все знала и когда умирала, меня к себе позвала и клятву взяла, чтоб не бросал девчонку. Говорила, что я в ответе за нее, что видела она любовь нашу, не дура, век прожила, а потому молчала – чувствовала, что конец недалече, не хотела Наташку одну бросать, а когда любимый рядом – и по бабке переживать меньше будет.

А мне клятву легко дать было, я на самом деле Наташку больше жизни любил. Ради нее на что угодно был готов. Хоть Катку трахать, хоть всю деревню прирезать.

– Ну все, все... – гладил жену по голове, – я в больничке уже договорился, денег отвалил, обменную карту тебе завели, ляжешь в коммерческий бокс, когда ее положат, и мальчишку на тебя запишут, а ей скажут, что помер малыш. А мы потом уедем сразу в Краснодар. Я работу всяко найду, а ты с сыном будешь.

– А если я его полюбить не смогу? – снова расплакалась жена.

– Он же наш с тобой, мы же сразу так решили. Ты настраиваться должна. Ну где бы я денег на суррогатную мать взял? Дешевле вышло забашлять врачам. И сын это мой, родной, значит, и твой тоже.

– Не ходи к ней больше, – вцепилась в меня бедная моя девочка.

Представлял, как жене больно от всего этого.

– Не могу. Пока пацана не заберем – не могу. Мы же все спланировали. Уедем в город, я квартиру сниму на время. Там уж до родов недолго будет, не буду ее трахать – отговорюсь, что ребенку навредить боюсь. Не плачь только, Наташ.

– А сейчас что, не можешь отговориться? Брюхо-то у нее уже на нос лезет. Не противно тебе?

Я отодвинул от себя жену, все слезы ее целовал, губы собрал и напиться поцелуем не мог. Она даже в слезах вся сладкая, как мед, вкусная, желанная, всегда еще хочу, сколько ни дай. Снял с нее сорочку шелковую, уложил на спину и каждый сантиметр любимого тела облизал,

с ума сходил от того, как хочет меня, какая горячая и отзывчивая, как течет наслаждением своим, чисто амброзия.

– А ей ты так же делаешь? – спросила вдруг.

– Ни разу, – соврал. – И не спрашивай больше. Выкинь из головы.

Я понимал, что нереально это, я б сам не смог.

– Я посмотреть хочу.

– С ума сошла?! – Я аж сел. – Не вздумай даже! Зачем мучить себя еще больше?! Не смей ходить за мной!

– Я буду, Тём. Мне надо. Увижу и успокоюсь. Убедиться хочу, что у тебя с ней все не так, как у нас.

– Дурная затея, Наташ.

– Все равно пойду. Ты и знать не будешь.

А я знал – пойдет. И ведь не остановлю ее.

Закинул стройные ножки на плечи и всадил в нее член до упора, чтобы все мысли о другой выбить, чтобы плакала от наслаждения, а не от бессилия и ревности.

Я все продумал. Будет у моей девочки мой ребенок. Мечта ее, которую мы сами по молодости-дурости угробили.

Только вот вопрос жены запал в голову.

А сейчас что, не можешь отговориться? Брюхо-то у нее уже на нос лезет. Не противно тебе?

Я лежал и ждал, когда Наташа уснет.

И сам не понимал почему злился. Что мне мешало и правда отговориться от секса с Катей? И что меня тянуло к ней? Какое-то неясное, непонятное стремление увидеть маялось в груди. Прямо невыносимое, непреодолимое желание. Видимо, сказывалась привычка. Несколько месяцев постоянных встреч.

Прислушивался к своим ощущениям, распутывал их клубок и сердился на жену, что не засыпает. Ее голова на моей груди стала мешать, давить, волосы лезть в рот и раздражать.

А перед глазами стояла беременная голенькая Катя. Она красивая. Ее даже беременность не испортила. Поверни спиной – талия чуть шире, но на месте. И соблазнительный изгиб в поясице. Попка сердечком. Аппетитное тело, упруго-мягкое, округлое, приятное. Кожа бархатная. Голос глубокий, приятный.

Отодвинул от себя жену, перевернулся на живот, обнял подушку. Наташа тут же закинула ногу на мои бедра. Я стиснул зубы и закрыл глаза.

Но толку? Глаза открылись сами собой. Сна – ни в одном. Лежал и смотрел перед собой, ничего в кромешной темноте не различая. Лишь мутные силуэты мебели в тусклом лунном свете. Смотрел и вспоминал, как у нас все дошло до этого...

Катя

А я бы в город уже полгода назад уехала, да только вот Артем...

Сама не поняла, как у нас все закрутилось. Они с моей подругой Наташкой давно вместе, любовь с первой встречи, все такое. Потому я не обращала внимания на взгляды Артема, как он оживлялся при моем появлении, как старался рядом держаться, невзначай коснуться, наедине остаться, хотя никогда ничего больше разговоров себе не позволял, ничем не давал явно понять, что имеет ко мне интерес. Потом то подвезти вызывался, то невзначай где-то по дороге с работы домой мне встречался и просто провожал, болтая ни о чем, шутками забрасывая, и не скрывал это от своей жены – ничего ведь в этом такого не было.

Но все это незаметно набирало обороты. Артем мог уже при жене меня приобнять, поцеловать в щеку на прощание, поддержать за руку, подставить локоть на прогулке втроем...

Все шло совершенно не преступно и естественно, воспринималось как теплая доверительная дружба. Ведь Наташа не ревновала, а это маркер. Она уверена в муже, видит все, что происходит, значит, это просто дружеские знаки.

Все слетело с катушек, когда в очередную новогоднюю ночь Наташа перебрала шампанского, и ей стало плохо. Она ушла в спальню и легла, а мы с Артемом вдвоем продолжили праздновать. Он пригласил меня потанцевать. Не впервые, потому ничего такого я в этом не усмотрела. Но в танце он крепче прижимал меня к себе, а потом дал понять, что возбужден, и поцеловал. Горячо шептал, что давно меня хочет. Я и не поняла, как оказалась на его коленях на диване. Мало на коленях – на члене.

Секс был коротким и жарким. Едва успели привести одежду в порядок, оба растерянные и смущенные, в комнату вернулась Наташа. Артем крутился вокруг нее, бросал на меня виноватые взгляды. А я чувствовала себя так мерзко, что не могла больше находиться с подругой рядом, и позорно сбежала, пока они отвлеклись.

На звонки Артема и Наташи не отвечала все новогодние дни и к двери не подходила, когда они приходили. Только ощущения те забыть не могла. Толстый, твердый и горячий член мужа подруги, дикое возбуждение, какого я никогда не испытывала и... желание повторить, но уже в нормальной обстановке.

Тогда я и поняла, что я – плохая подруга и что... влюбилась в Артема. Что только о нем и думаю, он занял собой мои мысли, время и сны.

Следующий наш секс случился очень скоро после первого. Однажды я рано утром открыла дверь, чтобы выйти во двор, и оказалась в его руках. Совсем не ожидала этой встречи, потому растерялась и даже слегка испугалась.

Артем подхватил меня на руки, занес назад в избу и жадно поцеловал. Шептал, что еле выдержал эти дни, не видя меня, обижался, что не отвечала на звонки и не открывала двери. Заморозил меня сначала, а потом так распалил, что я была даже рада его холодной одежде.

Правда, она недолго на нем продержалась – через несколько минут мы уже оба были голыми и в постели. Через пару часов он ушел. А я хлопала глазами на закрывшуюся за ним дверь и не понимала, что чувствую.

В тот день я не могла сосредоточиться ни на чем. Все валилось из рук. Я порывалась позвонить Наташе, но понимала, что сначала надо серьезно поговорить с Артемом.

Только вдруг получила от него смс в Ватсапе: «Хочу тебя. Жди ночью».

И я ждала. Думала, что это наваждение пройдет после обстоятельного разговора. Ведь его жена – моя подруга. Нельзя так. Я надеялась, что он удовлетворил свое желание, что это просто бес в ребро, классика – измена с подругой жены, которую он воплотил и теперь утомонится. И мы все забудем.

Но нет. Я ошиблась. Артем пришел – и все повторилось, и он был ненасытен всю ночь.

Неделю потом только писал эсэмэски и звонил, но прийти не мог – Наташа сильно хандрила, и он от нее не отходил. Я пришла ее навестить, но разговора не вышло – она и без моей исповеди плохо выглядела, лежала серая и опухшая, будто от слез. Я даже подумала, что Артем ей во всем признался. Но он сказал, что нет, хотя она правда плакала, но не из-за нас – из-за того, что не может родить ребенка.

Артём

Это было уже не помню какое по счету обследование. Наташа все надеялась, что рассосется. Только не все диагнозы поддаются лечению. Поэтому рассосались выреченные от продажи моей городской квартиры деньги, а не наша проблема.

Наташа скатывалась в депрессию, и я решился на отчаянный шаг – охмурить Катю, заделать ей сына и забрать его. Одинокая девка, засидевшаяся без нормального мужика в колхозе –

легкая цель. А мне некуда было уже отступать. Взял ее нагло, нахрапом, не давая слова сказать против, хотя и заигрывал некоторое время – готовил благодатную почву.

Чувствовал какое-то время, что слетит с крючка, Наташке повинится, и решил действовать открыто. Для жены. А Катю использовать втемную.

Ту неделю, что я не ходил к ней, Наташа переваривала мою измену. Чуть голову мне топором не расколола, весь дом едва не разнесла. Истерика у нее была знатная, я даже думал, что спятила она, не выдержала после циничного ответа врача «Детей не будет. Не тратьте деньги, лучше в дом малютки обратитесь да усыновите младенчика».

Наташка тогда рыдала, покончить с собой грозилась, а меня будто снежной лавиной накрыло – выморозило все внутри, а в голове все слова врача звучали. Только вот не хотели мы чужого ребенка, а иметь своих только я мог.

Наташа очень боялась, что я брошу ее бездетную. Дурочка моя. Потому согласилась на авантюру.

Только видит черт, как мне тяжело с ней стало. Особенно первое время, когда к Кате ходил. Сначала тайком от Наташи, чтобы меньше думала об этом, но потом она вроде успокоилась, затихла, Катю ненавидеть стала, а от меня постоянно внимания требовала, слов о любви, секса. Я иногда с трудом вывозил.

Наташа успокоилась, только когда Катя забеременела. Ждала, что я ходить к ней перестану. Только нельзя было так – надо с Катей до самых родов рядом быть, контролировать все, вовремя успеть сына забрать. Катя поплачет и еще родит. Бог ей зачтет. А я свою повинность в аду потом отслужу. Лишь бы Наташа ребенка получила. Моего. Нашего...

Мысли эти так уснуть и не дали. Чем-то этот вечер отличался от остальных таких же, хотя все было как всегда, по одной схеме: поход налево, любовь с женой как искупление. Я не мог понять, что изменилось.

Встал потихоньку, включил в кухне чайник, взял Наташкины свежие номера журналов со стола. «Гламур», «Вог», «Подיום», «Аппарт». Последний – самый любимый, к тому же каталог – жена из него выписывает себе наряды. Скинул их в кресло и сел за стол. Положил руки на него, сжал кулаки, опустил голову и зарычал тихо, направляя звук внутрь себя.

Бесили эти непонятные чувства, лишившие сна.

Отрезвил только щелчок кнопки чайника. Налил в стакан кипятка, бросил пару пакетиков заварки и встал у окна. Август подходил к концу, но лето будто решило задержаться – не пожелтел ни один лист на деревьях, ни одна травинка, снова зацвели одуванчики.

Светало. И мне захотелось пройтись по безлюдным улицам.

Я допил чай, поставил кружку в мойку, вернулся в спальню, чтобы одеться. Наташа вроде бы спала. Позвал ее тихонько – не откликнулась. Я удовлетворенно кивнул, надел штаны и футболку, мимоходом прихватил толстовку и тихо вышел из дома.

Было тепло, но я хотел пройтись до реки, а там по утрам туманы. Поэтому кофту закинул за плечи и завязал впереди на узел рукава.

До рыбной станции, что стоит на нашей Перелеске, километра три по дороге, но мне хотелось тишины – шума хватало и в голове от мыслей и эмоций. Деревня наша большая, краевого значения, за ней аэропорт недалеко, трасса со статусом федеральной, зверосовхоз крупный тут, даже страусовая ферма есть.

На ней Катя и работает в офисе. Не знаю, как ее должность называется, да только делает она все: и страницу хозяйства в соцсети администрирует, посты туда пишет, и кожу этих птичек-эму сбывает на сумочки и перчатки, а скорлупу на сувениры сдает. У нас дома есть расписанное под картину Шишкина с медведями одно на подставке. Наташа фыркает на него – дешевка, ей бы Фаберже.

Мысли о жене вспенили раздрай в душе, аж кончики пальцев закололо, бежать куда-то захотелось и орать во всю глотку. Никогда мне с ней спокойно не было, она мой вечный двигатель – ни на минуту не дает расслабиться. Ради нее всю свою жизнь перевернул, ее желаниям подчинил. Даже секс у нас с ней самый отвязный, только когда я заслужу. Последний раз он был, когда полмиллиона за месяц ей принес. Рекорд побить пока не удастся, и на всякие там игрища я могу не рассчитывать, пока снова что-то «вау» не сделаю. Наташа умеет мотивировать, видно, оттого мне и хочется орать и бежать.

Только я сам не понял, как задворками по привычному пути пошел и около Катиного дома оказался.

И орать перехотелось, и достигаторствовать тоже уже не тянуло.

Сел на пень, сорвал травинку, в рот сунул. Смотрел на темные окна, слушал отдаленный шум трассы, гул самолетов, и все это таким далеких и заполошным казалось. А здесь – тишина, соловьи поют – заслушаешься, роса на траве блестит, пахнет свежестью и моментами дымком от соседнего дома – печку топят. А Кате я сам лично отопление провел, теплый туалет делал, душ, зимний септик – летом труба не замерзает, в болотину все стекает, когда цистерна под землей переполняется. И вода у Кати в доме. У Наташи родители все сами сделали, я на готовое пришел, хозяином себя не чувствовал. А тут по дружбе своими руками как себе бы все сделал, от души, от сердца, оттого у Кати как дома себя чувствовал, уютно.

Теперь тут женщина спит, которая сына моего носит...

Снова в груди то самое чувство замаялось, заныло, душу выворачивая. Да что оно такое, черт его раздери?!

Опять орать захотелось... только теперь от того, как невыносимо к Кате потянуло. Рядом лечь, тепло ее почувствовать, руку на живот положить, движение мальчишки моего уловить.

Кажется, я понял, наконец, почему ноги сами сюда меня несут.

Скорей бы родила, да забрать его. Дома будет сынок, и я метаться перестану от него к жене. Счастье в дом придет.

Устал я от истерик Наташкиных, жилы рвутся на ее хотелки пахать. Займется ребенком – интересы другие будут. Будет с мамашками на детской площадке подгузники обсуждать да присыпки. И я выдохну.

О, кажется, придумал, чем жену занять – надо в город ее свозить, квартиру вместе посмотреть да необходимое для сыночка купить. Уедем, конечно, сразу, но на первые пару дней что-то же надо будет пацану – кровать там, коляска... даже не знаю.

Встал, травинку изжеванную выплюнул, хотел к дому уже развернуться, да ноги словно в землю вросли. Хоть убей, а хотелось к Кате зайти.

Перемахнул через забор, тихо к открытому окну подошел, на руках подтянулся, в комнату тихо на пол ступил и кроссовки скинул. Носки снял. Толстовку отвязал, штаны стащил и футболку. Вообще не думал, что делаю. Захотел я так и не мог иначе.

Шагнул к кровати.

У Кати дома даже слишком тепло – надо будет батареи прикрутить. Раскидалась на постели, ночная рубашка задралась, оголила бедра загорелые, живот... Все оголила, потому что Катя без трусов дома ходила – мешали он ей, скатывались под живот и давили.

А я... слюну сглотнул, разглядывая Катю между ног, член колом встал. Красивая все же девушка, во всех местах аккуратная, манящая.

Тихо опустился рядом с ней, придвинулся вплотную, слюной пальцы смочил и между бедер рукой скользнул, потер осторожно клитор. Потом рубашку выше задрал тихонько, сосок губами накрыл, поласкал нежно.

Катя проснулась.

– Артем? – удивилась, не испугалась даже.

– Я, – глухо отозвался от того, как мое имя из ее уст прозвучало – тепло так, ласково.

Трусы спустил, бедро Кати на себя подтянул и вошел в нее медленно, в горячую плоть туго погружаясь. Аж дыхание перехватило от того, как приятно, как головку защекотало от предвкушения.

Двигал бедрами медленно, с протяжкой, наслаждаясь, распаяясь все сильнее.

Я не по необходимости с ней сейчас был, а потому что хотел быть с ней. Потому что скоро у меня не будет больше беременной женщины, которая носит моего сына. Потому что мы сами с Натахой эту часть счастья похерили. А я нормальный мужик, хочу приходить к беременной жене, трогать и целовать ее живот, чувствовать, как сын растет, пинается, пяточки его щекотать и улыбаться от радости, что отцом стану. И любить жену беременную хочу, осторожничать и кайф получать от секса, который не только плотское удовлетворение приносит, но и новую жизнь.

Размеренно, неспешно входил в Катю, клитор ласкал пальцами, целовал и гладил, чуть сминая, налитые груди, в шею и волосы носом зарывался, пахнувшие кедровыми орешками и хвоей. Господи, как же хорошо с ней... До одури, аж в теле трепещет.

Возбуждение росло от стонов Катиных откровенных, я быстрее двигаться стал, чувствуя, какая она теперь мокрая и открытая.

– Люблю тебя, – прошептала и кончила. – А-ахрте-е-еммм... – губу закусил.

И я по привычке ответил:

– И я люблю тебя...

Только в груди запекло вдруг непривычно от слов своих же, словно кровь вспыхнула, я зарычал, всадил в Катю член и в два сильных толчка тоже кончил. Сильно так, на грани нервного срыва, умопомешательства, сладко.

Так, не вытаскивая член, Катю к себе спиной повернул аккуратно, прижался весь, руку под шею подсунул, обнял ею и грудь накрыл, второй живот обхватил и в шею сзади носом уткнулся.

Горячая Катя согрела меня собой, и я уснул с улыбкой, почему-то счастливый.

Глава 2. Воспитание жен и мужей

Если у тебя проблемы с одной бабой, зачем идти к другой?

От этого проблемы только увеличатся!

(Николай Петрович Воронин)

Проснулся от того, что Катя завожилась в моих руках. Поднял голову, взглянул на настенные часы – всего час проспал. Но чувствовал себя бодрым. Полным сил.

– Чего не спишь? – убрал волосы с лица развернувшейся ко мне Кати. – Через час только вставать.

– Мне после обеда на работу надо будет прийти. У меня отпуск и отгулы остались, так что сегодня схожу, деньги получу и отдохнуть буду. Как раз за месяц вещи соберу для переезда. Ты мне с машиной поможешь?

– Конечно, Катюш, – улыбнулся, как-то по-новому ее лицо разглядывая.

Глаза большие, ресницы пушистые, носик прямой, скулы красивой формы и губы... Захотелось Катю поцеловать. Я себе в этом отказывать не захотел. Живот беременный в мой упирался, кожа к коже – так приятно, черт возьми. Я еще ближе Катю к себе подтянул и целовать начал. Вкусный поцелуй такой получился, затяжной, потому что прерываться не хотелось.

Трусы спущенные мешать стали, и я ногами задергал, чтобы их скинуть. Рубашку с Кати снял, поцелуями от шеи к груди спустился, ласкал обе, зацеловывая, и все животом к ее животу прижимался. Сын толкался, и я чувствовал это, чуть не задохнулся от ощущений причастности. Будто сам беременный был. Зацеловал живот, ниже спустился. Ножки шире Катины развел и вылизал ее нежно, то и дело низ живота большого целуя.

Черт возьми, как же это странно и здорово одновременно. Я даже забыл, что не жена это передо мной, упивался стонами Катюши, лапал живот, вцеплялся в бедра, натягивал на свой язык мокрую дырочку и сам стонал и урчал от удовольствия.

Потом на колени сел, подушку из-под Катиной головы выдернул, под поясницу затолкал и бедра на себя подтянул, на член Катюшу насадил.

Я не трахал ее, а любил, осторожно, в собственных чувствах путаясь. Потом развернул ее спиной, на колени поставил, вошел сзади и живот подхватил, чтобы поддержать. И от кайфа крышу сносило. Лучше, чем за титьки подержаться.

Кончил, содрогаясь всем телом, контролируя себя, вжимаясь глубоко, но так, чтобы не навредить. Меня всего перетрясло от оргазма.

Катя выпрямилась, изгоняя меня из себя, повернулась. Глаза распахнутые, губы приоткрытые. Обняла за шею, и я ее обхватил, к себе прижал.

– Артем... – прошептала. – Как же мы дальше будем?

Я промолчал.

А что сказать мог?

Заберу сына. Все на места встанет. А пока...

Пока я буду наслаждаться, чтобы на всю оставшуюся жизнь хватило. Чтобы запомнить эти ощущения, как это охрененно приятно – беременную моим ребенком женщину ласкать.

Да, в этом все дело. Во мне отцовский инстинкт просыпается, вот и тянет к Кате как магнитом, вот и хочу ее, потому что даже секс с беременной и тот другой. Будто самоутверждающий, возвеличивающий до дрожи, животворящий.

На речку я все-таки ходил. Быстрым шагом, самым коротким путем. Скинул всю одежду и в трусах на глубину нырнул. Обожгло холодной водой, но кровь быстрее по венам побежала, и когда вынырнул, телу было уже тепло. Адреналин зашкаливал. Я выложился на максимум, будто гонку на скорость выиграть старался, наплавался до приятной усталости.

Вышел на берег, снял трусы, отжал и оделся. Пора было домой. Наташу на работу везти. Да и проверить, есть ли мне работа в деревне. Еще рано для сбора урожая, но мой личный парк спецтехники редко простаивал. Не ассенизаторская машина, так трактор, или погрузчик, или эвакуатор, или грузовик кому-то да нужны были. Я без дела редко сидел, порой соседа-пенсионера нанимал, когда сам разорваться не мог.

Сегодня среда, из сети гипермаркетов в городе просрочку надо ехать забирать. Я уже два года по договору с магазинами работал, половину деревенских домов обеспечивал кормежкой для кур, гусей да свиней. В первую очередь, конечно, Катюше возил, только ей стало тяжело разбирать тонну продуктов, так что я просил в магазинах в отдельные мешки овощи и фрукты скидывать, что еще не раскисли в гнилую кашу, и сам в сарай уносил их, чтобы Катя только доставала, сколько надо, да резала.

Черт, забыл батареи у нее прикрутить, надо будет по пути заехать. А окна закрывать пора, а то продует еще беременную.

Домой вошел, весь в мыслях о планах на день. Засоня моя жена еще спать должна была. Но нет. Стояла у окна в кухне, как я ночью.

Нехорошее предчувствие шевельнулось.

– Ты чего рано встала? – спросил и руки ей на плечи положил.

Она обычно свои ладошки сверху моих клала, а тут развернулась и такую пощечину мне влепила, что искры из глаз посыпались. Только они потухли, по второй половине лица прилетела следующая пощечина – тут уже чуть глаза из орбит не выкатились. Я в шоке отступил, за лицо схватился.

– Скотина! – зашипела Наташа, на меня наступая, и снова замахнулась. – Видела я, как ты «не так, как у нас» ее трахаешь! Вылизал всю, только что жопу не целовал! Мразь! Ненавижу!

От следующего удара я уберегся – перехватил руку за запястье, потом вторую. Зато коленом по яйцам получил так, что не только искры и глаза из орбит, а и весь воздух из легких вылетел. Как щука на берегу рот разевал, завывал от нестерпимой боли и за яйца обеими руками держался.

А Наташа как с цепи сорвалась. Лупила меня, за волосы таскала, под конец чем-то по голове шарахнула, так что в глазах потемнело и что-то горячее по лицу и волосам потекло. В ушах зазвенело, я на колени рухнул. Головой потряс. Что-то острое в кожу воткнулось – в ноги, в ладони, в голову.

Кухня перед глазами закружилась. Я зажмурился.

Наташа оставила меня в покое, только дверью так хлопнула, что с полки на стене рядом с косяком что-то упало и покатилося звонко.

Я не сразу в чувство пришел. Когда перед глазами кружить маленько перестало, понял, что жена мне на голове чайник электрический со стеклянной колбой разбила, осколки в голову вонзились, а на другие я коленями и руками сам рухнул. Кровь сочилась и смешивалась с водой, кожу щипало и яйца болели.

И что-то меня такое зло взяло на жену...

Поднялся, осколки из ладоней и коленей вытащил, по голове провел и зашипел. Что нащупал, то с рычанием от остро-болезненных ощущений убрал, но все ли?

Пошел в душ.

Наташа стояла там голая, подставив лицо струям, и плакала – я слышал сдавленные всхлипы. Не истерила – злилась. Впервые вот так яростно. У меня сердце сжалось. Не мог на нее долго сердиться. Но, черт возьми...

Зашел в душевую кабину, закрыл за собой створку, обнял жену, к спине прижимаясь.

– Наташ...

Уловил движение локтя, отпрянул, чтобы еще под дых не получить, но из рук не выпустил. Обхватил ее локти, к телу прижал, к ней всем собой прижался, почувствовал, как вздрагивает от слез.

– Отвали! – крикнула отчаянно.

У меня в груди все закипело от жалости, будто ком горячий огромный внутри перевернулся. Я принялся жену целовать: плечи, шею, спину.

– Уйди, я сказала! – потребовала она.

– Нет, – на ухо шепнул.

Она щеку прижала к плечу, сопротивляясь, а я терся об нее пахом... и ничего, черт возьми, не происходило. Член не вставал. Да и яйца еще болели.

– Ты ее хочешь! Ее! А не ради сына! – рыдала жена.

Да, блядь, хочу. Сам в шоке.

– Наташ, я не один виноват во всем. Резинки тебе не нравились, спираль ты ставить отказалась, таблетки сама себе выписала. И про второй аборт я узнал, когда ты его уже сделала...

– Да, конечно! Я виновата! Ты же мужик, ты ни при чем! – заорала она. – Зато теперь трахаешь другую – и нормально тебе! Сына заделал. Доволен?! А мне он не нужен уже! Понял?!

– Нужен! – заорал я. – Нам с тобой он нужен! – тряхнул жену.

Мне нужен. Как это без сына? Да пусть бы и дочка. Милашка в платьице. Как так – ребенок не нужен? Мы что же, женились, чтобы только трахаться и на работу ходить? Это как-то... неполноценно, дыра в жизни, провал.

– Нет! Нет! Не хочу! – завизжала Наташа и затопала, наконец, скатываясь в истерику.

Идиотизм, конечно, но теперь я знал, что делать. Это уже был привычный сценарий.

Катя

Сумма всех денег, что мне причиталась, порадовала. Да еще были те, что платили арендаторы городской квартиры. Там надо будет сделать ремонт, сменить полностью мебель, подготовить детскую и можно уже покупать сыну приданное.

Шла домой с улыбкой, поболтала по пути с соседкой – договорились вечером о встрече.

После того как я стала любовницей Артема, с Наташей дружба получалась натянутой и продолжалась скорее по инерции. А когда я забеременела, чувство вины мешало общаться с подругой еще больше. Наташа даже чаще приходила ко мне в гости, чем я к ней. Без Артема мне было легче с ней, хотя разговоры выходили пустые. Наташа все о них с Артемом говорила, о планах на жизнь, куда в отпуск поедут, какие он ей подарки дарил... ну всякое такое. А у меня в груди пекло от ревности. Я после нее как больная ходила, плакала от обиды.

Только на кого обижаться-то? Только на себя. Сама на член чужого мужа села, сама от него понесла, сама точку не поставила. Слишком видный Артем мужчина, напористый, ласковый. Я раньше и не смотрела на него так, а теперь других на его месте не видела. Все какими-то не такими казались.

Я думала, скажу ему о залете, и он материться станет, что я должна была следить за этим.

А Артем... передо мной на колени упал, обнял и к животу лицом прижался, обцеловал его весь. Взгляд на меня поднял, а в глазах радость и слезы. И это его срывающимся шепотом «Спасибо, Катюша... Я и мечтать не смел... Я все для тебя и для него сделаю». Артем такой благодарный был, на руках носил, фрукты и цветы каждый день стал таскать сумками и охапками, кружил меня на руках и все время живот трогал. И каждый секс с поцелуев в живот начинался, которые спускались ниже. Артём «ты моя радость» шептал, когда целовал. Его прикосновения другими стали и взгляд внимательным.

Я словно теплым облаком Артемом окутана была. Отказаться от него уже не могла. Смирилась с ролью любовницы и понимала, что связь наша продолжалась только потому, что я

беременна. Артем любил жену как женщину, а меня – как мать его сына. Но любил. Может быть, сам не понимал, но я чувствовала. И сама хотела от него ребенка.

День до вечера я провела в ревизии. Начала с книг. Вырастила из них три стопки: на выброс, в местную библиотеку и, самая маленькая, забрать с собой в город. Потом перебрала посуду – оставила несколько предметов, остальное сгребла в кучу. До одежды не добралась – пришла Надя, соседка, с которой утром встретились.

– Может, все-таки продашь мне гусей? – в который раз спросила она.

Они у меня крупные, все как на подбор, с помощью Артема откормленные.

– Нет, Надь. Я тебе, как обещала, инкубатор продам и яиц сотню. Сама себе вырастишь. А этих я на мясо зарублю. Морозилку уже присмотрела большую. Как приеду в город – куплю и сразу всю птицу забью.

– Ну а свинтусов?

– Их тоже.

– Тебе на два года мяса хватит. Куда денешь столько?

– Тушенку сварю, – пожала я плечами. – Карпаччо сделаю, засолю. Фарша накручу, колбасы накопчу...

Это я уже на ходу придумывала. Коптильня у Артёма есть, он мне куски сала обычно коптил, и я уверена была, что не откажет и в этот раз заготовки помочь сделать.

Выглянула в окно – не идет ли?

Но он в эту ночь не пришел. Я успела шмотки разобрать. Мешки у крыльца наполнились всякой всячиной. Вроде все было нужно, а как переезжать собралась, оказалось, что не пользовалась ничем годами. Артем на помойку отвезёт, кому надо будет – разберут себе. А я составила список необходимых вещей, и получился он небольшим.

Как мало человеку в жизни надо, и как много хлама он в нее тащит.

Артем

Наташа в этот день на работу сама добиралась. А я вместо себя соседа отправил на машине собрать просрок. Старику грузить самому ничего не придется – в магазине грузчики справятся, а в деревне клиенты сами разгружают.

Я же завалился на кровать, раскинулся звездой и в потолок уставился.

Яйца еще болели, порезы саднили, голова кружилась. Наташка мне легкое сотрясение точно обеспечила. Решил отвалиться день.

Уснул быстро. Выспался до вечера. Встал – уже полегче было. Проверил телефон – подкинули еще заказы. Подтвердил их на завтра и пошел ужин сварганить. Макароны по-флотски. Мое любимое блюдо. Наташа его не готовила никогда – «еда нищевородов» говорила. Салат с авокадо или там с семгой у нас дома, как у других хлеб и чай – норма.

Достал спагетти, фарш домашний с горой лука обжарил – кусками получилось, как я люблю. Когда смешал с макаронами, сверху зелени горсть мелко нарезал, кетчупом залил и чуть не обожрался в охотку.

Пузо вдогонку крепким чаем надул и завис перед телевизором. Боевик вроде бы внимание привлек, но потом мысли уплыли – думал, как свою технику в Краснодар перегонять. Пару железнодорожных платформ заказать стоить будет столько же, сколько весь мой автопарк стоит. Смысл тогда? Залез в Интернет посмотреть цены на спецмашины там.

Время пролетело, а жены с работы все не было. Позвонил – временно недоступна. Мне как-то не по себе стало. Оделся быстро, вышел на улицу – что делать? Пойду искать – разминаясь. Пешком далеко идти – она бы на каблуках не пошла.

Беспокойство завладело мной целиком, но я вернулся домой – Наташа не тот человек, чтобы с собой что-то сделать. Слишком жить любит и не просто лишь бы жить, а со вкусом. Так что этот варик отпал сам собой. А вот на нервах поиграть – это в ее стиле.

Но я и понять ее мог. Потому зажал беспокойство в кулак и снова перед телеком уселся. Смотреть не смотрел – прислушивался к звукам.

Но когда стало темнеть, а жена все еще была «вне зоны доступа», уже психанул. Сел на «Лексус» и покатил в сторону офисного здания при колхозе, где она технологом работала. Маршрутки у нас до восьми вечера ездят, потому что с четырех утра работают. На чем Наташа домой собралась добираться? И откуда?

Катился по дороге и по сторонам поглядывал – может, пешим ходом прет назло мне? Да все равно – уже три раза прийти можно было. Но нет, нигде ее не увидел. Докатился до офиса, «поцеловал» запертую дверь и еще больше психанул. Сама с собой ничего не сделает – другой кто-нибудь расстарается.

Сел в машину, пальцами по рулю постучал, думая, куда ехать.

Деревня наша так разрослась, что ей пора было уже статус поселка городского типа получать. У нас тут и крытый рынок, и два кинотеатра, и торговый центр, и оптовая база, и станция железнодорожная, и больница хорошая, и школ две, кафе штук несколько и пара ночных клубов в активе имелись. Методом вычитания получалось, что жена в одном из кафе засела. Мы нередко поесть вне дома выходили – Наташа любит это дело, говорит, человеком себя чувствует, а не домработницей. Я не против, она хозяйка хорошая – и дом, и огород в порядке. Хотя она нанимает пенсионеров полоть грядки. Ну а почему нет-то?

Все кафешки я, конечно, знал, и покатил по одной проверять, периодически набирая номер жены.

Спустя два часа тревога разыгралась не на шутку – жены не было ни в одном кафе. Искать ее оставалось только в ночных клубах, но это как иголку в стоге сена. Злой, как Д'Артаньян, я погнал домой.

Загнал машину в гараж, зашел в дом, бросил связку ключей на столик, включил свет в гостиной...

Наташа сидела в темноте, забравшись с ногами на диван, в своем коротком шелковом халатике. Рядом большая тарелка с сыром и пиала с медом, горсть орехов, на полу бутылка вина. А в руке полупустой бокал.

– Ты где была? – спросил я резко. Наташа медленно повернула ко мне голову и насмешливо вздернула бровь. Промолчала. – Я всю деревню объехал, пока тебя искал, – выкатил претензию.

– Ну прости, – безразлично ответила Наташа и пожала худыми плечиками. – Я была уверена, что ты ебешь мою подружку, тебе не до меня...

Сделала глоток вина и макнула орех в мед, приоткрыла рот и положила на язык сладость. Так эротично, черт возьми... Я не мог взгляда отвести от ее рта. И заполнил бы его ей сейчас по самые гланды, но боялся, что откусит то, чем хотелось эти гланды достать. Потому просто развернулся и ушел в спальню.

Разделся до трусов и снова развалился звездой.

Лежал и думал о том, что, конечно, это полный бред – так жить. Жена знает, что я трахаю ее подругу, ждет появления моего ребенка от другой – и я еще на нее рыкаю. Мало она мне врезала. Долго терпела. Я бы вообще Наташу убил, замути она адюльтер ради ребенка, если бы я был бесплодным.

Только уже ничего не вернешь. Осталось идти до конца. Потом все наладится.

Когда засыпал, жена в спальню так и не пришла. А я к ней не лез. Чувствовал, что ей надо побыть одной, перекипеть, придумать, как мне отомстить... Эту мысль я отбросил как

нереальную. Ну то есть жена мне может кровь свернуть, очень даже, но пойти налево – нет. Она меня любит.

Проснулся от того, что мне связывают руки. Точнее – привязывают к изголовью кровати. Мы с Наташей практиковали раньше игрища со связыванием, потому кровать я покупал с коваными спинками.

Зря я Наташу оставил. Пьяная в сопли. Там одной бутылкой вина не обошлось.

– Натусь, ты че делаешь? – хрипло после сна спросил и кашлянул, чтобы прочистить голос.

– Ммм? – промычала она вопросительно через сжатые губы.

Я даже не был вполне уверен, что она сообщает, что делает. Это слегка напрягло.

Я молча наблюдал, как она стянула с меня трусы. Потом сняла свой халат. Под ним ничего не было. Наташа уселась на меня, потерлась промежностью по члену. Когда он крепко встал, хмыкнула пьяно и поползла выше. Устроилась над моим лицом, прижав к постели ногами мои связанные локти, схватила за волосы, запрокинула мою голову и, разведя пальцами свои сухие складочки, опустила мне на рот.

– Давай вылижи меня, скотина, как ты ее лизал, – потребовала.

Вот ее план мести – унижить меня в постели.

Я смотрел ей в глаза, когда проводил языком между ее пальцев, увлажняя. Потом еще раз. Наташа закусила губу, внимательно смотря то мне в глаза, то на мой язык. Мне ни черта не было унижительно ее так ласкать, целовать взсос, трахать языком. Наташа возбуждалась медленно, но все же задвигалась, заелозила, ухватила за спинку кровати и насаживалась на мой язык, подставляла те местечки, где ей было приятнее. Я бы обнял ее бедра и сделал все жестче, но Наташа решила иначе.

Кончить она не смогла – слишком пьяна была. Но возбудилась так, что потеряла границы. Мне оставалось только подчиняться.

Оставив в покое мое лицо, она насадилась на член, но движения ее были неуверенными, она только мучила меня и себя, изводила всплесками возбуждения, которые ничем не заканчивались. Член ломило, я передержался, и мне нужно было уже кончить. Но Наташа устроила другую пытку. Она царапала меня ногтями, кусала всего не сильно, но болезненно. Поцеловала так, что зубами поранила мне губу.

Когда принялась ласкать член, меня потряхивало – зубки жена применяла на полную катушку. Я только дёргался и шипел больше, когда она засасывала еще болезненные яйца и зубами проходила по стволу. Потом облизывала всего, обсасывала и снова принималась орудовать зубками. Я уже просто замер и только дергался, когда ласка становилась излишне острой.

Черт возьми. Меня насиловала собственная жена. Об удовольствии мыслей уже не было – не отгрызла бы.

Заход прыжков на члене повторился. Но не давал ничего ни ей, ни мне. Только тяжесть внизу живота от неудовлетворенности.

– Нат, развяжи мне руки. Слышишь?

– Заткнись! – крикнула она пьяно и опять залепила мне пощечину.

Попала по прокушенной губе. Я облизал ее, почувствовав, что потекла кровь.

– Наташ... – взывал, чувствуя, что если эту ночь не закончу я, жена сломает все между нами. – Развяжи. Руки затекли.

– М? А хер не затек, м? – пьяно вздернула бровь.

– Развяжи руки! – заорал я во всю глотку.

Наташа подпрыгнула, потянулась к поясу. Едва путы на одном запястье ослабила, я размотался сам. Развернул жену к себе задом, развел широко ноги, дернул за руки, чтобы впечаталась лицом, плечами и титьками в постель, и вломился в нее членом во всю дурь. Сразу

взял разгон по максимуму, так что Наташа только рвано мычала в подушку. Отпустил руки, схватил ее за шею, потом за подбородок и задрал голову. Наташа стонала хрипло, я долбил ее, не давая пощады. Врезал по заднице от души так, что она слабо, но взвилась, но я придавил ее к постели и повторил. Оплеухи по заднице, смачные, надеялся, что и отрезвляющие.

Когда почувствовал, что готов кончить, навалился на нее всем телом, просунул под нее руку, смял ладонью промежность, заскользил по клитору пальцами и зарычал:

– Кончай! Ну! Быстро! – и влупился в нее так со всей дури, вжался, член пульсировал готовый вот-вот. – Давай! Живо!

Задвигал бедрами быстрее и резче, в одном ритме, кружа пальцами между ног жены и сжимая титьку беспощадно. Почувствовал, как потекла и, наконец, вяло сжала меня мышцами.

Кончила. Кое-как.

И я расслабился, прыснул в нее семенем. Дождался, когда слабый оргазм прошел, и отка- тился, загнанно дыша, вспотевший до самых пяток.

– Нормально тебе? – спросил отрывисто, повернув голову к распластавшейся на постели жене.

Ответом мне был только тихий храп.

Охренеть просто...

Глава 3. Простая, как грех

– Что это вчера было? – спросил Наташу хмуро утром, когда принес стакан ледяной воды. Зыркнула на меня быстро, промолчала, но стакан взяла. – Ладно, не отвечай, – кивнул. – Я сегодня домой не вернусь...

Еще не договорил, она взвилась и из комнаты вылетела. Дверь в ванной только хлопнула. Я постоял пару секунд, махнул рукой и, прихватив бумажник и связку ключей, вышел из дома.

Сегодня я снова скинул заказы на соседа, а сам поехал купить кое-какие запчасти – решил-таки продать свой автопарк, но требовалось подновить его, пока было время. Да и после вчерашних событий мне еще и просто хотелось побыть отдельно от жены. Я не хотел ссориться с ней еще больше, но и смотреть на ее скореженную морщку тоже было выше моих сил. Я еще от адской ночи не отошел – в дрожь бросало от того, что могла член откусить и яйца в довесок. В ее духе это. И Наташа со мной находиться не хотела. Лучше нам побыть врозь.

По пути заехал к Кате.

Она спала, когда я вошел в дом без стука. Прошел в спальню. Увидел открытое окно, чертыхнулся и пошел прикрутить отопление.

Катя услышала, когда я вернулся и закрыл рамы. Задернул шторы.

– Артёммм... – нежно промурлыкала и потянулась.

Я подошел, сел на постель, задрал ночнушку и приник губами к беременному животу. Катя тут же зарылась пальцами мне в волосы, и я зашипел и дернулся – задела порезы.

– Больно, Кать, не трогай, – поморщился и отвел ее руку.

Поцеловал ладошку и снова ткнулся губами в теплый живот, обняв его.

– Что-то случилось? – спросила Катюша, поднимаясь на локтях.

– Чайник на голову упал, – хмыкнул я.

– Да?.. Как это?

Со всей силы.

– Да забей. Я в город. Тебе надо что-нибудь привезти?

Катя помотала головой:

– Нет, я на следующей неделе поеду. Квартиру уже освободят, надо будет готовить ее к переезду.

– Скажешь когда, я отвезу.

Опустил ночнушку, закрыв живот, поцеловал Катю в губы и ушел.

Заехал по пути за минералкой и пока стоял в очереди, думал, что можно было бы Катю взять с собой. Отбросил эту мысль. Сел за руль и доехал до конца деревни. Когда увидел перечеркнутый знак с названием, съехал на обочину, постоял, сжав кулаки и смотря в одну точку. Потом решительно развернулся и поехал назад.

К Кате вошел четким шагом.

Она вскинула на меня взгляд от коробок – уже возилась с какими-то вазочками и фото-рамками.

– Артем?... – поднялась с пола с трудом.

– Одевайся, поедem вместе. Жду тебя в машине.

Катя

Так неожиданно...

Я начала суетиться: что надеть, что взять с собой. Хорошо, что нет проблем с тем, кто покормит и загонит птицу – Артем смастерил полуавтоматические кормушки и поилки, нужно только подсыпать пшеницы.

Впрочем, пока я одевалась и собирала рюкзачок с документами и парой вещей, видела в окно кухни, что он это уже сам сделал. И мешок просроченных яблок моим свинтусам высыпал. Хороший Артем хозяин. Наташке с ним повезло.

Я запираю дом, а Артем стоял у калитки и звонил соседу:

– Дядь Гриш, за домом Старковой одним глазом присмотри, ладно? ... С меня причитается, – улыбнулся на слова соседа и, вытащив у меня ключ из рук, сам замкнул калитку и повесил его на крючок с другой стороны ворот.

Григорий Антоныч не первый раз будет присматривать за моим домом, поэтому знает, где взять отмычку. А я со спокойной душой и с радостной улыбкой села в машину Артема.

Он включил потихоньку музыку и тронул машину с места. Развернулся на дороге и погнал к выезду на трассу.

Мы молчали, но это было приятное молчание. Которое в любой момент можно было легко нарушить любым словом и завязать непринужденную беседу. Но мне было хорошо и так. Любимый рядом, шансонье пел о жизни, мерно шелестели покрышки по асфальту. И я улыбалась, смотря в окно. Ловила на себе взгляды Артема.

Он тоже улыбался. Взял меня за руку и держал всю дорогу до самого города, если только ему не нужно было переключить передачи. Потом снова брал меня за руку.

– Катюш, если хочешь, заедем к твоим жильцам, посмотрим, в каком виде квартира, – предложил и большим пальцем погладил тыльную сторону моей ладони.

– Я думала попросить тебя об этом, когда ты будешь свободен от своих дел.

– Мне только забрать запчасти. Это недолго, я все оплатил через приложение. Так что если хочешь, можем сразу заехать. Они дома?

– Не думаю – они оба работают. Скорее всего, только вечером.

– Хорошо, пусть будет вечером. – Он помолчал. – Может, сходим куда-нибудь? В кино?

– Лучше в парк. Который с аттракционами.

Артем взглянул на меня с удивлением, вздернул брови:

– Почему в парк?

Я пожала плечами:

– Просто ностальгия. Я была там только с родителями. Мне там было хорошо... – Горло сдавило. И Артем сжал мою руку, давая ощущение поддержки. – С тобой мне тоже хорошо, – добавила я.

– И мне с тобой, Кать...

Так ответил, что в душе защемило, слезы навернулись на глаза. Хорошо со мной... Но муж он чужой.

Такие мысли нет-нет, но возникали. Я снова прогнала их, глубоко вздохнула, похлопала ресницами, чтобы высушить непрошенные капли, и перевела разговор на другую тему, близкую нам обоим:

– А еще в детский магазин заехать хочу. Уже руки чешутся купить что-нибудь в приданое малышу.

Андрей поудобнее уселся в кресле и кивнул:

– Это обязательно. Я тоже хочу.

– Артем, а чем ты будешь в городе заниматься?

Мне это было интересно. Не только потому, что я все же строила планы, как мы будем растить сына, живя в разных семьях. Я хотела понимать, сколько у Артема вообще будет времени на нас с сыном.

Артем

Катя словно мои мысли читала. Я как раз всю дорогу держал ее за руку и думал о том, что до рождения малыша вообще не буду работать. Ну а смысл выходить на два месяца? Лучше провести их с Катей. Я это решил по дороге.

А Наташе я, конечно же, скажу, что вышел на прежнюю работу, чтобы не было лишних вопросов. К тому же она мне прям в соточку – там выезды днем и ночью, командировки в пригороды на двое-трое суток, которые я почти законно смогу проводить с Катей, не рискуя нарваться на гнев жены. И ей будет спокойнее.

Я привык не прятаться от жены, но после прошедшей ночи уже не был уверен в правильности такого поведения. Спокойнее было бы родить ребенка и поставить Наташу перед фактом. Поорала бы, поистерила и успокоилась.

Но теперь уже поздно копыя ломать. Только Катю я не просто так с собой в город забрал – побоялся оставить. Теперь уже не мог даже представить, что в мое отсутствие выкинет моя жена.

– Кать, а как вы с Наташкой познакомились?

Катя повернула ко мне голову:

– Я думала, ты знаешь, – удивилась она. – Хотя... – пожала плечами. – В деревне мы были шапочно знакомы, Наташа старше меня на два года. А в городе встретились и как землячки подружились. Только она не технолога училась, а я на маркетинг. Но знаешь, Артем, слышала как-то выражение, что женской дружбы не существует. Красивые девушки выбирают в подружки тех, кто попроще, чтобы оттенить собственную красоту. Из нас двоих красивая была Наташа, а я умная. Ой, прости, я не хотела...

– Не, я понял, – улыбнулся Кате. – Но ты неправа в одном... – помолчал, окинул ее взглядом и перед глазами она голенькая встала. Я облизал ее фигуру мысленным взглядом. – Ты красивая, Катюш. Очень красивая.

Наташка холеная, красота ее выверенная. Катя – как природа дала, такая и есть. Наташка чуть полкило наберет веса, сразу неделю только листики салата жует и йогурты ест натуральные, несладкие. А Катя... она в тех местах, где моя жена худая, вся округлая, но и у нее при таком-то хозяйстве нет на теле ничего лишнего. У них вообще фигуры разные. У Наташи талия высокая, тело от этого кажется коротковатым, от спины к попе спуск пологий, и сбоку ее силуэт на тонкую веточку с каплями дождя похож: большая капля – попа, капли поменьше – титьки.

А у Кати все пропорционально, она моделью могла бы быть. Изгиб ее кошачий в пояснице и ямочки над попкой – я насмотреться на них не мог. Вид сзади просто потрясающий. Да и спереди не уступает – грудь не такая большая, как у моей жены, но тоже торчком и мне в ладошку не вся влазит. Идеальный вариант.

Хотя я люблю большие попы и большие титьки. На Наташку потому и запал. Все мое!

Но вот слова Кати о женской дружбе зацепили. Заставили задуматься. Мгновенно всплыли небрежные фразы жены о подруге ее, о Кате:

...простая, как грех... – И с этим я согласен. Грех, который волнует, черт возьми.

...да кому она нужна? Сильно умная! Мужчины любят глазами... – И я опять согласен, кроме да кому она нужна... Счастливым будет тот мужик, что в жены ее возьмет.

Из груди вырвался тяжелый вздох, живот напрягся, а плечи поднялись. С чего меня подбало всего, как будто я кинуться на кого-то решил, я не понял. С трудом расслабил плечевые мышцы и... хватку на Катиной руке и руле.

Вот даю миру копоти...

Катя

Кусала губы, переживая, что задела Наташу. Я не из тех женщин, что будут поливать соперницу грязью. Да и какое соперничество? Мы с Наташей почти на равных. Она – жена

Артёма. Я – ношу его ребёнка. Будто поделили мужчину пополам и разделили роли. Она его услада, а я – жизнь, в которой скоро появятся крики, подгузники, заботы, бессонные ночи...

Наташа сознательно лишила себя этих радостей. Мне только непонятно, как он ей разрешил. Но это дела очень личные и их семейные, я не лезла.

Вздыхнула, подумав о том, что не сделай этого Наташа, Артема бы в моей жизни, наверное, не случилось. Наша бы связь была пустая – просто секс. А сейчас... мне казалось временами, что между нами появляется что-то большее.

– Кать, есть хочешь? Ела что-нибудь сегодня?

Я помотала головой, неожиданно вырванная из мыслей. Смотрела, как Артём съезжал к небольшому кафе на въезде в город. А рядом ларек. У меня сразу слюней набирался полный рот.

– Да, шаурму в сырном лаваше, только без кетчупа, но с горчицей.

– А тебе можно? – нахмурился Артем.

– Скажи, чтобы немного положили, – кивнула я и сглотнула.

– А пить? Сок?

Я прислушалась к себе:

– Нет, минералку без газа.

Артем вышел, а я наблюдала за ним. Как делал заказ, платил и, взглянув на машину, зашел в кафе. Потом вернулся в ларек, держа в руке бумажный пакет, взял шаурму и вернулся в машину.

Когда сел, поставил пакет мне на колени. Он горячий. И из него распространялся запах курицы-гриль. А еще я видела большой контейнер с отварной картошкой.

– Я квартиру посуточно снял, а это чтобы не готовить. Но если хочешь, можем заказать пиццу или суши, м? – смотря на меня, он завел «Лексус».

Я кивнула с улыбкой. Хотелось и пиццу, и суши. И салат какой-нибудь. И сладкого. И Артема под бок.

Мы сразу поехали в самый крупный торговый центр «Планета», вместе пошли в детские магазины.

Артем

Мне казалось правильным, что покупать вещи к рождению сына мы идем с Катей. Наташу я обязательно приобщу к этому позже – пусть втягивается. Может, детские вещички помогут ей прийти в себя. А пока с Катей этот выход мне нужнее. Она наверняка уже знает, что нужно купить малышу на первое время.

И я с готовностью ходил с ней, перебирал детские тряпочки, удивлялся, что бывают подгузники для мальчиков и девочек, запоминал, к чему примерялась Катя, как выбирала коляску, почему отказывалась от качающейся кровати, но смотрела на ту, что с полочками внизу. Она была счастлива, то и дело обнимала меня, льнула, целовала в губы и смеялась. И я тоже. Мы ходили по центру в обнимку, мне все время хотелось спустить руку пониже талии и смять ее попку, и пару раз я позволял себе это. Потом Катя убежала в туалет, оставив меня на скамейке посреди широкого прохода между ювелирными островками, и я сначала хотел позвонить жене, но потом поднялся и подошел к прилавку.

Наверное, правильно было бы вознаградить Катю за сына хорошим подарком.

И эта мысль так крепко засела в голове, что я не мог от нее отмахнуться. Лишь усилием воли заставил себя отойти от прилавка. Снова сел на лавку.

Но хватило меня на минуту. И я снова уперся взглядом в кольца... Почему-то в кольца. И все-таки купил одно и попросил упаковать в бархатную коробочку.

Успел вернуться на скамейку как раз перед тем, как Катя вырулила из-за коридора, ведущего к лифтам и санузлам.

Мы снова пошли по магазинам. Мне хотелось прямо сейчас подарить Кате это кольцо, но я заглушил преждевременный порыв другими покупками – просто, несмотря на протесты Кати, купил одежду для беременных. Теплая куртка, утепленное платье и джинсовый с начесом комбинезон ей пригодятся. Когда она мерила их, я подошел, поправил капюшон и не смог не поцеловать ее в губы. Мне очень этого захотелось.

В последнем детском магазинчике Катя застряла около ярко-желтого трикотажного комбинезончика с оранжевым солнышком.

– Я куплю его сейчас! – сказала Катя, прижав вещицу к груди. – Я сразу представила, как будет в нем выглядеть малыш. И я буду называть его «мое солнышко».

Я не возражал. Кроме комплекта для выписки из роддома это единственная вещь, которую мы сегодня купили для ребенка.

И всю дорогу до квартиры, которую я снял на сутки, Катя рассматривала комбинезон, гладила пальцами аппликацию, вдыхала запах первой купленной для нашего сына шмотки и постоянно улыбалась.

А я смотрел на нее и думал, что она сама в эти минуты светилась, как солнышко. Будто изнутри. И такое тепло от нее шло, что я вспотел и растерялся.

По пути я позвонил агенту, чтобы подъехал и передал мне ключи от квартиры. Потом мы с Катей поднялись на третий этаж в пятиэтажке. Вернее, поднялся я – с Катей на руках.

Там она сразу отправилась обследовать наши суточные владения, а я наблюдал за ней. Как мимоходом поправила штору, провела пальцами по полированной столешнице в гостиной, как села на диван и попробовала его на мягкость... Прошла в спальню, и оттуда донесся возглас:

– Как классно!

Я поспешил туда и, когда вошел, увидел, что Катя лежит на двуспальной кровати.

– Удобно? – спросил, не понимая, в чем кайф.

– Ты даже не представляешь, как хочется полежать на животе! А тут такой мягкий матрас, смотри...

Она повернулась, и я увидел, что матрас под весом ее живота прогнулся. Катя лежала не на животе, но как бы – вполоборота.

– Серьезно? – спросил я и присел на постель. Матрас под моим весом легко прогнулся. Ортопедический, но очень мягкий. Наверное, внутри поролон. – А что еще в кайф?

Мне правда было интересно. Я ведь по большому счету не знал, даже не задумывался каково это – быть беременной.

– Еще кайф в ванне в воде полежать, но нельзя. – Я вздернул брови. Нельзя? Почему? Катя ответила на мой взгляд с улыбкой: – Съесть гору клубники или апельсинов. Меда и орехов много тоже нельзя, чтобы не было аллергии у малыша...

Она еще рассказывала, лежа и кайфуя, а я слушал и удивлялся. Катя казалась мне уже инопланетянкой, о которой я столько, оказывается, не знал.

Я оставил ее лежать, поцеловал и поехал за запчастями.

Всю дорогу до базы, на которой раньше работал и где заказал нужное для своего автопарка, думал о Кате. И о тонком колечке с маленьким сапфиром в моем кармане. Крошечное украшение за большие деньги. И их не было жаль для нее.

На базу приехал быстро. Оставил ключи знакомому кладовщику, чтобы загрузили запчасти, пока я сам поднялся в контору поздороваться с парнями. Новых лиц встретил много – база разрослась. Но и старых знакомых хватало. С – стабильность.

Встретили меня отлично: пожали руки, похлопали по плечам с улыбками, справились о здоровье, напоили чаем. Люди менялись – уходили одни, приходили другие, – пока мы с шефом, владельцем базы, задержались за болтовней, обмениваясь новостями. Два часа проле-

тели как две минуты, я спохватился, что еще нужно свозить Катю к ней на квартиру. Попрощался, заглянул к кладовщику за ключами, перекинулся парой слов и уже выходил из ангара, когда в воротах встретил Женю Кашина, моего бывшего одноклассника.

Он был в костюме, начищенных туфлях, с барсеткой. Просто опачки!

– Здорова, пацан! Че это ты при параде? – хохотнул я, крепко пожав приятелю руку.

Раньше мы хоть и не так чтобы часто, но хорошо общались. Я был рад его встретить.

– Да я по пути с работы, – улыбнулся он открыто. – А ты какими судьбами тут? Слышал, ты неплохо в деревне устроился.

– Да, развел там свой колхоз, – кивнул я, имея в виду своих женщин, но, Женька, конечно, не догнал. – А ты так же в администрации сидишь?

– А ты газет не читаешь и на выборы не ходишь? – прищурился лукаво приятель.

Что я пропустил?

– Ну почему же? В восемнадцать на выборы ходил. За шоколадкой! – хохотнул я.

– Ясно. Ну тогда горд тебе сообщить, что я избран депутатом. Твоя деревня входит в мой округ. Как раз в сентябре в планах наведаться туда, провести встречу с моими избирателями.

– Ух ты! Птица высокого полета теперь, да?

Молодец Женька! Всегда было понятно, что далеко пойдет и высоко взлетит. Тот вид людей, которые всегда оправдывают ожидания. Для депутата, наверное, самое то.

– Пока не столь высокого, но в планах... – Женька поиграл бровями. – Ты извини, мне надо спешить. Давай созвонимся? Диктуй номер... – И он достал свой сотовый лапоть.

Я продиктовал номер, зафиксировал дозвон, забил в контакты и попрощался с приятелем. Отчего-то на душе было светло. Вот такой он человек – светлый, порядочный, комфортный.

Интересно... а я какой?

По пути на съемную квартиру зарулил в цветочный павильон, купил букет роз. Немного подумал и заехал еще за фруктами на рынок – взял груши и арбуз.

Катя

Артем принес мне цветы!

Не сказать что это редкое явление, но всегда чертовски приятное.

– Катён, это тебе, – сказал и поцеловал.

Пока Артема не было, я все время улыбалась. Подумать только – целые сутки с ним наедине, в домашней обстановке. Я столько всего напридумывала для нас деятельности, что даже ехать в свою квартиру не хотелось.

Но надо было. И мы поехали.

Артем поднялся со мной.

Когда парень, который снимал у меня квартиру, открыл дверь, я увидела, что просторная квадратная прихожая моей трешки забита коробками – процесс сбора вещей шел полным ходом. Но еще больше удивил запах краски, обойного клея и побелки – жильцы приютились в одной комнате и в остальных делали ремонт.

– Ой, не надо было! – воскликнула я, когда осмотрелась. – Я все равно хотела сама делать.

Но мне понравилось то, что я увидела. Светлую мебель в цвете дуб сонома оттеняли темно-синие стены и новый темно-коричневый линолеум. Я хотела постелить ковровин, но теперь не буду, а вот ярких пятен добавлю. В той комнате, что я хотела отвести под детскую, пока только красили батареи.

– Мы сняли ведь квартиру после ремонта, а ребенок разрисовал стены. Нам нетрудно было, – улыбнулась молодая супружеская пара.

– Вот на этом и заканчивайте, – попросила я. – Дальше я сама хочу, – смягчила требование.

– А когда вы освободите квартиру? – вмешался в разговор Артем.

Парень пожал плечами, взглянул на супругу, и та ответила:

– Пока не нашли куда.

– А где вам надо? В каком районе? – уточнил Артем и достал телефон из кармана джинсов.

– Нам бы в этом же хотелось, – ответила девушка. – Ребенок в садик здесь ходит, да и нам удобно.

Артем кивнул, коснулся моего плеча, как бы прося прощения, и вышел в подъезд, набирая чей-то номер.

Его не было минут пять, может быть, десять. Я успела посмотреть остальные помещения – увидела новый смеситель в ванной и раковину в кухне. Взять за них компенсацию молодая пара отказалась. Мне же проще.

– В этом же микрорайоне сегодня можно посмотреть четыре квартиры – трешки и двушки. Если съедете в ближайший день, я верну вам оплату за этот месяц полностью, – решительно и сразу по-деловому заговорил Артем, едва вошел в кухню.

Я только взглянула на него, но не стала задавать вопросов при постояльцах. Они записали контакт риелтора, знакомого Артема, и мы вышли на улицу.

– К чему такая спешка? – все же спросила, хотя меня устраивал такой поворот событий. Разве что с хозяйством надо будет теперь разобраться поскорее.

– А чего тянуть? – пожал плечами Артем.

Он что-то недоговаривал.

Глава 4. Контакты высшего уровня

Артем

Это был лучший вариант. Я боялся, что Наташа натворит дел, и хотел удалить от нее Катю пораньше. Риелтор, которому я звонил, продавал мою квартиру. Он быстро перекинул мой звонок на коллегу, который занимается арендой, а тот сходу назвал мне несколько адресов и предложил показать все варианты уже сегодня.

Пока все складывалось удачно. Вообще эта поездка оказалась на редкость плодотворной.

Мне придется потом еще подсуеиться и помочь Кате с переездом, но это уже мелочи. Главное – Наташа.

Жена не выходила у меня из головы. Сидела фоном. И неприятный осадок от прошедшей ночи никак не отпускал, осел налетом на наши отношения. И, по большому счету, я отдалял Катю и от себя тоже, не только от Наташи – ради восстановления мира в своей семье. Мотаться к Кате в город я не буду, жена успокоится, и все у нас вернется на круги своя. Мне очень этого хотелось. А в будущем в городе встречи с Катей будут проходить под предлогом работы – все продумано.

А пока, вот сегодня и почти уже сейчас, я собирался на всю катушку использовать время с любовницей.

Фантазия всю дорогу до квартиры посуточно бомбила меня картинками с сюжетами этого вечера и ночи. Даже голод, слегка заглушенный шаурмой, уступил место голоду другому. И я улыбался всю дорогу. Ух, и оторвусь я!

В квартире Катя сразу переделалась в просторное домашнее платье и, как всегда голожащая, пошла в душ. Я собирался к ней присоединиться, потом решил, что эта часть программы останется на десерт.

Конечно, сходу я на нее не набросился. Кино, вино и болтовня ни о чем до темноты. Потом красноватый свет от бра, я на коленях перед диваном. То есть перед сидевшей на нем Катей. Уже обглаженной моими бесстыдными руками, пока лежала головой на моих коленях и смотрела какую-то дешевую турецкую мелодраму.

А сейчас с раздвинутыми ножками, подушкой под поясницей, попой на краю дивана, раскрытая передо мной. Картинка – анатомия женщины из кабинета акушера, не иначе. И я с членом до пупа и хриплым шепотом:

– Смотри, Катён. Хочу тебя пиздец как.

Совращение беременной моим сыном женщины в самом разгаре. Хотел взять от ситуации все, потому что потом только я, Наташа и наш мальчишка. Примерная семья, любовь и верность. Полная гармония и счастье.

А пока я смотрел между ног Кати открыто, разглядывал все складочки, видел, как будто испарина на них проступала – Катя мокла от моего пристального и откровенного внимания. Запах нашего желания пропитал всю комнату, но я не торопился брать ее.

Я смотрел, голосом вызывал трепет, возбуждал похабными словечками, не прикасаясь даже пальцами. Запрещал закрывать глаза, но заставлял сокращать мышцы, чтобы кончила без моего участия.

Катя сумела, и я, довольный собой, прижался языком к ее клитору и елозил по нему, пока не кончила снова. Потом заставил еще раз членом, двигая им в Кате с протяжкой, замиранием. Я наслаждался ее податливостью и раздраковывал похоть, потому что сегодня хотел трахать ее всяко разное.

На кровать унес ее уже почти дикую от желания продолжать. Катя стонала в голос, орала, выкручивалась и набрасывалась на меня как безумная – так я ее драковил и сдавался, чтобы сама доводила до логического завершения.

Несколько раз.

Последний был, когда она вымоталась уже и легла снова будто на живот – вполоборота. Смотрел на нее со спины, обводил ладонью изгибы тела, любовался и даже предался фантазиям, как было бы отлично жить с обеими женщинами. Не знал, как Катя отнеслась бы, но Наташа точно такого не позволит. Приложит не только чайником и не только по голове – тут я уже серьезно рисковал бы яйцами. Да я и понимал, что это просто мои влажные фантазии.

Но, черт возьми, когда пристроился к Кате сзади и потрахал ее на посошок перед сном, закрыл глаза и подключил фантазию – Наташу домечтал.

И уснул, натрававшийся до бессилия.

На утро оставил совместный душ, минет и снова секс.

А уже после этого позвонил риелтору и узнал, звонили ли Катины жильцы. Оказалось, даже выбрали квартиру. Потому я оставил любовницу, а сам рванул к ним – отдал, как обещал, бабки за месяц, убедился, что за день съедут – машину и грузчиков уже ждали.

По пути назад набрал жену.

– Чего тебе? – прорычала она мне в трубку, аж мурашки по коже пошли.

– Соскучился.

– Издеваешься? – зло крикнула. – Ты же свою сучку с собой взял! Некогда тебе было скучать!

Это точно.

– Она переезжает в свою городскую квартиру, – не стал я отмазываться от очевидного, но постарался снизить градус претензий. – Наташ, скоро все будет как раньше...

– Не будет! – отрубил. – Никогда как раньше не будет. Ты все испортил.

– Давай поговорим об этом дома, ладно? Я задержусь еще на день...

– Не натрахался? – язвила жена.

И это тоже.

– Чтобы Катя точно въехала в квартиру прослежу. И приятеля тут встретил, хочу контакты наладить. Вечером собираюсь его в рестик позвать. Потом вас познакомлю.

Мысль пригласить Женьку пообщаться пришла в голову неожиданно. Куй железо, пока горячо. А то контакт остынет. А депутат, который метит выше регионального, мне точно в друзьях не помешает.

А Наташа... Да, я козел. Даже хуже, наверное. Но все это пройдет. Все наладится. Все будет как прежде.

Женька встретиться согласился, но предложил не в ресторане, а в клубе. Катю я взял с собой.

Клуб «Панорама» – самый претенциозный в городе, но и удобный. Народу тут было не так чтобы много. Мы с Жекой заказали бутылку кальвадоса, а Катя попросила разбавленный минералкой вишневый сок.

Разговор завязался банальный – об одноклассниках, кто где учился, когда кого кто из нас видел. Жека не забывал о присутствии беременной дамы: подушечку ей под спину попросил, поесть предложил, на танец пригласил. За этим было особенно интересно наблюдать – чужой мужик возле моего беременного живота. Я смотрел на них и разгребал свои эмоции. Ревности обнаружено не было. Хотя мысли, что после родов, когда Катя останется одна, Жека вполне мог ей пригодиться, возникли. На работу помочь устроиться, например, меня в постели заменить... Хотя вот эта мысль как-то покорила. Особенно после этих суток вдвоем с ней.

Я зачем-то сфотографировал на телефон Катю с Женькой. Несколько раз: в танце, когда целовал ей руку и когда, приобняв за талию, вел назад на диванчик.

– Ребят, вы отдыхайте, а я, наверное, домой поеду, – глянул на часы одноклассник. – Катюша, было приятно познакомиться, – улыбнулся он моей беременной даме. – Артем, буду

рад познакомиться с твоей женой тоже. Вот как раз в конце сентября у меня день рождения, буду отмечать тут же, и приходите все трое. Катюш, номер мой у тебя есть – готов всем помочь в меру сил и свободного времени.

Галантный Жека попрощался и отвалил. Мы с Катей задержались еще на полчаса и тоже поехали на съемную квартиру. Я собирался Катю в эту ночь снова оприходовать на свой счет, а рано утром отвалить домой и пока завязать с походами налево.

Мысли о Наташе гложили, в душе маялось беспокойство.

Я реально обнаглел и перегнул палку. Наташа вроде как смирилась, и я просто охамел, открыто навешая любовницу.

Только вот так сходу остановиться трудно. Привык.

Но пора было на самом деле ползти к жене с повинной головой. Только теперь я рисковал ее вообще лишиться.

Приполз, конечно. Катю домой вернул, даже не зашел к ней, только сказал, чтобы завтра на чемоданах сидела и меня ждала – грузить будем и увозить ее. В городе еще помотаюсь, что там ей надо куплю и к жене зализывать ее душевные раны в прямом и переносном смысле отползу.

Вот, кстати, с Женькой познакомил Катю, пусть за помощью к нему обращается. Ей уже скоро вообще одной со всем справляться, так что пусть месяц до нашего с Наташей переезда привыкает.

Думал так, пока в павильон цветочный рулил, и таким себя, мать его, героем в кавычках почувствовал. Натворил я, конечно, дел, но цель, говорят, оправдывает средства. Я ради того, чтобы сына иметь, и убить готов.

Да и Наташа...

Вот мысль уже не раз мелькала, а теперь и подавно в голове обосновалась на постоянной – почему Наташа терпит?

Ладно – Катя. Когда на мой член в Новогоднюю ночь ее усадил, она под хорошей дозой шампанского и коньяка была и просто не ожидала такого разворота с моей стороны. Я ее практически насильно поимел. Пару ласковых сказал, что она рот от неожиданности расхабарил, поцеловал и скоренько на себя, как бабочку на иглу, насадил. Смысл был в том, чтобы она кончила на мне – задание было выполнено. Одинокая девка на драйве от моего напора и с моим пальцем на ее клиторе быстро утекла. Эффект неожиданности, острота ситуации и геноцид с моей стороны – залог успеха. Я все продумал. Потом скоренько успех закрепил. Тут все понятно.

Но Наташа... Почему она поистерила, но, черт возьми, через не могу ситуацию приняла? Порыдала неделю, побесилась, а потом не спокойно, конечно, но от любовницы меня ждала.

Ну я, конечно, не сообщал ей: «Милая, я пошел Катю трахать, посиди пару часов, и до тебя дело дойдет». Нет, я все же тайком наведывался к Кате, ночами ускользал, когда Наташа засыпала. Я все же не урод уж совсем-то. Но только Наташа всегда не спала, когда я возвращался. А вот почему она не бежала меня на горячем ловить, чтобы Кате по макушке чайником надавать? Вот вопрос. После приземления чайника на мою голову он прям крепко засел в голове. И вот когда ходила подсмотреть за мной – тоже ведь к Кате не вошла, а пошла себе и дома тихо обозлилась.

Когда цветы в павильоне выбирал и ждал, пока упакуют, чуть щеку изнутри не сожрал от этих думок. Что-то не то с Наташей творится, да только спрашивать бесполезно. Она мастер нагнать туману, сделать многозначительный вид, так что дураком себя чувствуешь, и не объяснить ничего. А уж тайны хранить она умеет. Особенно – свои.

Как дома оказался, пока ребус по имени «жена» расшифровать пытался – не вспомню. Собрал все вазы, какие нашел, расставил букеты по всем комнатам. Белье застелил свежее,

баню истопил, один букет цветов разодрал на лепестки, по постели раскидал и для ванны еще оставил. Свечи поставил, салат ее любимый с авокадо настрогал, вино из нашей коллекции из погреба принес и в холодильник сунул. Фруктов и ягод нарезал, кремом запенил, кусочками шоколада украсил и листиками мяты.

Красота получилась. Зализывать вину был готов. Осталось Наташу с работы дожидаться.

Хотя нет – сел в машину и поехал к концу рабочего дня ее встречать. А то мало ли, она же знает, что сегодня вернусь, может опять финт выкатить. А я тут зря, что ли, бисером рассыпаюсь. Я хочу мир в семье вернуть, жену ласковой увидеть.

Подкатил к зданию конторы, зашел внутрь, у дежурного спросил, выходила или на работе еще. Довольный, вернулся в машину и на время поглядывал.

Наташа вышла через пять минут после того, как часики протикали конец смены. На каблучках своих вырулила на улицу, увидела меня и замерла. Я уже выскочить хотел к ней, чтобы фортель не выписала, но она сама ко мне направилась. Я вышел, дверцу перед ней раскрыл. За руку взял, когда молча в машину садилась, пальчики поцеловал.

Красивая она у меня все-таки. Стройная такая, тоненькая, жопка большая, титьки мягкие, губки полные, волосы длинные черные – все как я люблю. Аж кровь закипела.

Наташа с видом королевы сидела, на меня ни разу не смотрела. Зато я больше на нее, чем на дорогу, поглядывал и неспешно до дома катил. Любовался женой моей.

Оказывается, соскучился. И хотел ее в немыслимых позах. Раньше у нас задорный секс был, потом как-то поутихло, игрушки вот в шкафу завалялись...

Черт, я про них и забыл... Ну ничего, сегодня вспомним.

Машины когда остановил, сайгаком к ее дверце допрыгал, чтобы открыть да руку подать. Успел. Из машины вывел и на руки подхватил – потом «Лексус» загоню во двор, сейчас главное – жену растопить. Она дар речи потеряла, когда в дом ее внес.

– Что это ты... – спросила и замолчала, глазищи темные распахнула.

– Хочу с тобой помириться, – ответил.

Поставил жену на пол и к себе развернул. На плечи руки положил, к губам ее потянулся. Наташа не отмахивалась от меня – радовало. Только когда почти губ ее своими коснулся, спросила:

– То есть наебся с сучкой своей, теперь тебе меня подавай?

Да мать твою... Как чайником по голове, чесслово.

На колени перед женой упал, из рук ее не выпуская.

– Прости, Наташ. Я знаю, что наломал двор. Хочу исправить все. Дай мне шанс.

– И что? Брюхо у нее рассосется?

Не понял... Бровь вздернул, но потом на место ее усилием воли вернул – об этом я потом подумаю.

– Давай сегодня отмотаем время на до всего этого? – предложил. – Потом отпуск возьмешь, поедем куда-нибудь на месяц. Ты и я. Да?

Жена передо мной на корточки опустилась, в глаза пристально с минуту смотрела. Молчала. Потом спросила:

– Ты ее любишь? – Я только рот открыл, ответить, перебила: – Только врать не надо, ладно? Не мне – себе. Подумай хорошо, прежде чем сказать.

Я сделал вид, что подумал. Потому что думать не о чем. Я жену люблю.

– Нет, не люблю.

– А что я тогда видела? – вскинул бровь недоверчиво.

– Секс. Ты видела секс.

– Тебя просто перло от нее.

– Нет, Наташа. Меня перло от того, что сын скоро родится. От живота беременного меня прет.

– Ты у меня извращенец? – глаза расширила.

Но я уже услышал заветное «у меня», и в груди нахотелась радость – прощению быть!

– Наверное, – еле сдерживая улыбку, повинился. – Простишь мне это?

Наташа снова на меня молча смотрела. А я терпеливо ждал.

– Ладно, – наконец, медленно кивнула она. – Наверное, надо было это пережить когда-то. Может, даже лучше, что вот так открыто. Только запомни, Артем: вот так, по щелчку пальцев, – и щелкнула, демонстрируя, – такое не прощается. Потому придется тебе из кожи вон вылезти.

– Можно, я уже начну? – спросил и снова к жене потянулся.

– Изволь, – серьезно ответила Наташа.

Первый раз я прям тут же, на полу, изволил, потом к основной программе, до утра расчитанной, приступил.

Катя

Артем на следующий день не появился. Соседа на своём грузовике отправил. Он сначала все ненужное на помойку отвез, потом кузов вымел веничком и аккуратно мои пожитки загрузил. Из крупного я консоль старинную забрала и технику: телевизор с большой диагональю и системой смарт, кухонную электронику, цветы в горшках – целый лес у меня дома.

Заготовки остались в погребе, я только часть взяла. Но мне еще все равно приезжать – урожай собирать с огорода и картошку копать, так что успею забрать.

В городе дядя Гриша быстро нашел, кто мне все в квартиру перетаскает, дождался конца разгрузки, счастья пожелал на новом месте и уехал.

А я села на диван старый среди своего барахла и осмотрелась. Такое чувство странное было – будто черту в жизни провела только что, и что дальше будет – неизвестно.

Одиноко мне вдруг стало. В этот день решила ничего не разбирать, только продукты убрала и куриный суп быстренько сварила. Потом в магазин все-таки спустилась и по мелочи набрала: хлеб, чай, сахар, яблоки и еще что-то, чтобы завтра не ходить.

Включила телевизор, с ноутбуком в кресле устроилась и принялась обустривать свою новую жизнь: заказывать разбор старой мебели, доставку новой, пока строго самой необходимой, искать того, кто доделает ремонт. Не евро, конечно, но чтобы свежо было и из тех материалов, что я присмотрела, когда с Артемом ездили смотреть.

Спать на новом месте в первую ночь не смогла, все крутилась в полудреме, про Артема думала – как дальше все будет? Представить не могла. В деревне все как-то понятнее было.

Артем

Оказывается, когда отлучают от любовницы, ломка такая же, как когда бросаешь курить. Только не существует «Монпансье» от этой тяги.

Через несколько дней мир в доме наладился. Наташа убедилась, что Катя уехала в город, а я ее даже не перевозил туда и вообще теперь всегда под контролем, и отмякла. Мы писали друг другу сообщения, часто созванивались и болтали о глупостях, я драконил жену, чтобы дома с порога заняться с ней сексом, она улыбалась. Будто медовый месяц у нас повторился.

Но утром сегодня едва не брякнул «Катя» вместо «Наташа», а потом хлопал глазами, потому что словил разрыв матрицы – вместо жены видел любовницу. Просто Наташа с какого-то перепугу нажарила для меня картошки с мясом и горой лука, чего лет пять уже не случилось. Я сам себе повар в доме.

Наташу на работу отвез и щеку изнутри изгрыз, потому что жуть как хотелось к Кате рвануть. Она фоном в мыслях сидела, и я с колом в штанах весь день ходил. Очень хотелось ее номер из черного списка достать, куда его Наташа ультимативно сунула, узнать, звонила Катя мне или нет, голос ее услышать.

Но я пересиливал эти хотелки.

Глупость говорят, что все бабы в постели одинаковые. Ни хрена подобного. Они и с виду все разные, хоть у них все одно между ног, и внутри все разные – по-разному ощущаешь их членом, и ведут себя все по-своему, и отдача от каждой неповторимая, и сам себя ведешь с каждой иначе. У меня до Наташи была любовь, первая, и девственница была, и других девок я трахал без отказа, так что мне было с чем сравнить.

Наташка как воск была – я уже с опытом ее в оборот взял и под себя научил. Да и фигурка ее меня до сих пор заводила. Ну люблю я большие жопы и титьки. А какой мужик не любит? Хотя нет, вру – такие на любителя. Мне нравится, когда ебешь – и зад колышется. А когда Наташка редкое удовольствие позволяла – в попку ее вытрахать, да еще при этом член ее полными булочками зажать – кайф нереальный! Я Наташку в основном потому раком и трахал – хлеб и зрелище получал сразу.

Но, черт возьми, Катька сзади тоже красавица – ямочки, изгиб кошачий...

Взвыл, как представил упругий попец любовницы, и опять член в кулаке погонял. Хотел Катьку прям щас – и хоть тресни. Хоть в машину прыгай и на всем газу лети ей развал-схождение устраивать.

В общем, неделя прошла, от хера отлегло – и я уже мечтал в город перебраться и к любовнице нырнуть в теплую щелку.

Надо было срочно занять себя. И я нашел чем – пошел к Кате в дом, перебил, как обещал, всех кур, выпотрошил сразу. Яйца собрал в ведро, зелени в огороде навывдирал, огурцы с помидорами накидал в ящик... сел в «Лексус» и в город рванул сразу, как жену на работу отвез.

По пути купил цветов букет на выбор продавщицы, сок с мякотью мультифруктовый, печенье и ввалился в Катин подъезд.

В дверь позвонил, она открыла...

Домашняя вся такая, беременная, волосы русые по плечам волнами, платье все то же на ней. Она глаза распахнула, как меня увидела, рот раскрыла сказать что-то, а я его своими губами тут же скомкал. Жесть как давно Катю не целовал, аж крыша поехала – будто крепкого алкоголя горячего от души хлебнул, так повело и под коленями раскисло.

Трусов на Кате, как обычно, не было, потому первый раз прям сразу случился. Я только джинсы расстегнул, хер достал и Катю к себе спиной повернул, чтобы живот не мешал и ямочки с изгибом видеть. Трахал Катю и пальцами по ним водил, упругую попку мямл.

Бля, как хорошо мне было – словами не передать. Всех соседей по площадке распугал, наверное, своими стонами.

Даже не думал, что так соскучился по Кате. Аж до дрожи в руках.

– Я думала, долго тебя теперь не увижу, – сказала она, когда сидела у меня на коленях и пальцами по голой груди моей водила.

А я рукой по животу ее гладил и ловил пинки сына. Как мне этого не хватало... Он толкнет изнутри, а у меня аж дух захватывает – я ж это чудо накачал.

Наташа правду сказала: я извращенец какой-то. Но мне нравился беременный живот Кати, крепенький такой, аккуратненький. Сын словно фигуру мамкину берег, вырос красиво так пузырем, так что прикрой рукой вид сбоку – Катя все такая же стройная. Только чуть больше в пояснице изогнулась в противовес и титьки больше стали.

Я в них, голые, лицом зарылся, по соскам губами прошелся. Голая Катя на голом мне сидела, живот к животу, как мне нравилось.

Уезжать совсем не хотелось. Прикинул, что время еще есть до того, как жену с работы забирать.

– Я тоже думал. Дел полно. Я, кстати, куриц привёз, яйца, еще там с огорода всего понемногу.

– Спасибо. Гусей пока не руби – Надя еще яйца от них не собрала. Мы на сотню договаривались.

– Да помню я, помню, – кивнул. – Десяток твоих кур в холодильник влезут, а куда ты десяток гусakov денешь?

– На фарш перекручу и пельменей наделаю сразу.

– А. Вариант, – кивнул и подумал: почему Наташа пельмени не стряпает?

Когда я их ел последний раз? По-моему, при бабке еще живой. Потом все такое стало «пищей нищевородов».

Бабка Наташку в хвост и гриву гоняла, «ишь, королева выискалась» – ругалась часто, когда Наташа губы квасила по разным поводам: то сапоги резиновые «ужас какие страшные», то мозоль от черенка граблей надулась, то гречка «фу, гадость».

Мне было смешно и интересно смотреть, как Наташа капризничает и губы дует – потом я между них член вставлял – с удовольствием утешал ее в постели и своей королевой называл. А на следующий день она титьки наперевес – и опять бабке претензии выкатывала. Я только посмеивался, в сарай Наташу заводил и снова утешал. Все время на драйве, на острие жили и друг друга любили.

После смерти бабки Наташа воцарилась и все по-своему сделала. Хотя по бабке плакала, тосковала. После стажировки быстро на работе в гору пошла, мной на корпоративах хвасталась – городского парня отхватила, мол. Я тоже быстро на старой работе в рассрочку техники накупил – не новой, но сам все перебрал, отрепетировал – до сих пор гоняет. Как стал нарасхват, так жена совсем нос задрала, пристрастия в еде появились: лук не ем, чеснок воняет, яблоки – лакомство для колхозниц, а ей киви и манго нужны...

А я все спокойно воспринимал. Денег на все хватало, ее баловство забавным казалось – почему нет, если могу себе позволить? И чем выше запросы становились, тем я себя важнее чувствовал – потому что все удовлетворял, уровень держал. Что бы жене ни приспичило – нет проблем. Когда женщину свою обеспечить всем можешь, уверенность в себе растет до небес.

Так мы прямо пропорционально и поднимались с ней, пока докатились до того, что Наташа второй аборт сделала. Плохо себя чувствовала – помню хорошо. Есть не могла совсем – токсикоз был атомный. Поехала в больницу и приехала – на тебе, блядь... Стоило мне на дальние поля на уборочную отлучиться.

Вспомнил и на Катин живот посмотрел. Нет, правильно все я сделал. Ребенок – вот что я жене обеспечить еще должен. Остальное – пыль.

Глава 5. Организация пространства

Катя

Наверное, как все любовницы, я втайне мечтала, что рождение ребенка повернет мужчину ко мне лицом, к жене задом. Что греха таить, были такие мысли. И торжество, когда он приходил ко мне, тоже испытывала.

Артем приезжал два-три раза в неделю весь месяц. Я выдохнула ремонт и любовалась пустой детской комнатой с обоями, на которых нарисованные плюшевые мишки перемежались корабликами, полосатыми мячиками, разномастными сказочными домиками, мышками и зайчатами, морковками и солнышками. Для взрослого – аляписто, для малыша – ярко, разноцветно, завораживающе. Будет что рассматривать и на что показывать пальчиком.

Нетронутыми оставались только общие помещения – банально не хватало денег. Хотя я не прекращала вести рабочий блог и получала за него еженедельные выплаты.

Теперь мне нужно было купить мебель. Всю старую демонтировали и вынесли, а из новой я пока купила самый минимум в спальню. Огромную кровать – ее мы выбирали с Артемом, а матрас испробовали прямо в магазине – прежде чем купить, на них можно было полежать, и я не упустила шанса найти такой же, как был в квартире посуточно, поэтому теперь просто уплывала в сон с улыбкой от радости, что могу как будто лечь на живот. Угловой комод – длинный, во всю стену – примыкал к огромному и тоже угловому шкафу с антресолями. Под окном протянулся неширокий стол с тумбой и анатомическое офисное кресло. Вместо банальных тумбочек рядом с кроватью встали консоль с пуфом и зеркалом и этажерка-держатель для моих нескольких любимых книг.

Сама спальня переехала в большую комнату с застекленной лоджией. Среднюю комнату, чуть меньше спальни, я отвела под детскую, а вот в самой маленькой решила сделать гостиную. Но эти две комнаты пока стояли пустыми.

– Но почему самая большая – спальня? – удивился Артем, когда приехал ко мне в очередной раз.

– Ох, какой же ты смешной! – потрепала я его по волосам. – Потому что большую часть жизни человек проводит один или со своим спутником жизни.

Тут я вздохнула. У меня такого не было, но это не значило, что я не надеялась... на что-то.

– Ну ладно, – подумав, кивнул Артем. – Но почему под детскую тоже большая комната?

– Если бы балкон был в комнате поменьше, я бы сделала детскую здесь, – объяснила непонятливому. – А большая, потому что ребенку нужно больше пространства и вещей, которые не нужны взрослому. Сын вырастет и будет приводить друзей. Да и дни рождения тоже гораздо интереснее проводить в детской, где вся обстановка располагает играть и веселиться. К тому же так локализуется бардак.

Артем восхищенно покачал головой:

– Никогда не думал об этом... Но гостиная... Двенадцать квадратных метров? Seriously?

– Для дивана и домашнего кинотеатра хватит, – пожала я плечами. – Книги теперь удобнее хранить в электронном виде, а праздничной посуде хватит места в кухне. И вообще, толпы гостей водить домой на праздники – это прошлый век. Теперь дешевле проводить застолья в кафе. И не заморачиваться хранением сервизов, не мучиться мытьем гор посуды.

– О! Кстати, о посуде! – поднял палец Артем. – Как раз думал, что надо бы тебе подключить посудомоечную машинку. Я схожу за инструментом в машину...

Артем

Мне понравился Катин подход к организации жизненного пространства. Я думал об этом всю дорогу от нее до Выселков. Еще думал о том, как отговорить Катю от покупки детской мебели и вещей.

Они ей не понадобятся.

Но как сказать ей об этом? «Я все равно заберу у тебя сына, не трать деньги напрасно»? Чувствовал себя мерзавцем. Нет, хуже – тварью.

Разговоры о ребенке стали главными у нас с Катей. Оно и понятно. Но только меня они ввергали в депрессию, выход из которой я не видел ни в чем, кроме как с головой уйти в работу. Дома я теперь только ночевал и то не всегда – часто падал спать прямо в машине на сиденье, чтобы не гнать ее в поле. Мужики подкармливали и привозили воду и дизель топливо – началась уборочная пора, и я только успевал менять на комбайне навесы.

К Кате все равно выбирался стабильно пару раз в неделю. Но не столько целенаправленно, сколько по пути – мне хватало дел в городе: снял квартиру для нас с Наташей, подтвердил договоренности с врачом роддома и вручил ему вторую часть оговоренной суммы, договорился на старой работе с шефом, что сдам им весь свой спецавтопарк в аренду. Потом подумал и часть суммы попросил переводить на Катин счет.

Мне казалось, это честно. Хотя о какой честности могла идти речь, когда я собирался лишить ее ребенка?

И даже этот продуманный ход, сначала показавшийся хорошим, все больше выглядел как откуп.

Только от вдруг заговорившей совести откупиться не получалось.

И чем дальше, тем сложнее мне было видеть Катю. И не видеть – тоже. Я уже не знал даже, в каком случае больше. Вместе с ней было больно, без нее... я думал только о ней. Всегда. Каждую минуту.

Каждый раз она удивляла меня.

– Когда сын пойдет в школу, я попрошусь в родительский комитет и буду добиваться того, чтобы родители именинника не носили угощение для всего класса, – поразила она меня в очередной раз.

– Почему?

– Потому что это дикость какая-то. Почему мой сын должен угощать всех подряд, даже тех, с кем у него, например, полная антипатия или даже конфликт? Откуда у него будет самоуважение тогда?

– Может, это как раз и поможет уладить конфликт?

Катя на меня посмотрела как на идиота:

– Артем, если ты Петровичу начнешь таскать торты каждые свои именины, он перестанет говорить о тебе гадости?

Я только губы на это поджал. Петрович меня возненавидел как конкурента, едва я организовал свою деятельность. В Выселках до меня он был царь и бог-ассенизатор. Только вот за воротник закладывал, и люди днями ждали, пока он откачает септик. Я такого себе не позволял. Мои машины всегда были в рабочем состоянии, и я ехал по вызову в любое время дня и ночи.

И Катя была права.

– И вообще меня восхищает в этом смысле западный опыт, – продолжала отстаивать она свою позицию. – У них люди, которые уважают, любят и ценят именинника, сами приносят ему угощения и подарки. Сговариваются толпой или делают сами по себе. Там воспитание построено на уважении личных границ и частной собственности. Наше русское гостеприимство – пережиток, который был удобен власти. Я буду воспитывать сына таким человеком, чтобы он был уважаемым, и его хотелось поздравить. А не чтобы он метал бисер перед свиньями вроде Петровича, который надерётся за его счет и тут же за праздничным столом его и обосрет.

Что я мог на это возразить? Ничего. Потому что ее доводы мне казались состоятельными. И я, черт возьми, понимал, что хочу воспитывать сына вот так, как делала бы это Катя. Я прислушивался к ней, и когда ходили по детским магазинам, она в очередной раз меня поразила.

Я спросил про странную узкую кровать-приставку – Катя скептически морщилась и больше заинтересовалась радионяней и видеонаблюдением.

– Это зачем? – Я снова тупил, не догоняя ход ее мыслей.

– Сын с рождения будет спать в комнате один. Дети не должны мешать взрослым. А взрослые не должны ограничивать себя в своей интимной жизни, только чтобы не разбудить детей.

Она многозначительно на меня посмотрела, и я в очередной раз согласился с ней.

Молодая, ни разу не бывшая замужем и впервые носившая ребенка, она была готова к материнству и вообще удивляла и восхищала меня как женщина.

Только я чувствовал себя разогнавшимся комбайном, у которого сорвало тормоза и он прет по инерции по слякоти, которую сам же наворотил, и не может остановиться, свернуть, отдышаться, вырулить на твердую полосу жизни, выбрать правильную дорогу.

Я уже не понимал, что делаю и зачем, но приходил домой к жене... и вспоминал, зачем все это затеял. И вроде бы все вставало на места.

Я. Жена. Сын.

Семья. Полноценная.

То, чего мне так не хватало.

– Слушай, Артем, – подошел ко мне дядя Гриша, когда мы с Наташей, наконец, в город уезжали. – Может, оставишь ассенизаторскую машину? Я бы поработал, пополам доход. А то ведь на этого, – махнул в сторону дома Петровича, – надежды никакой. Я не настаиваю, просто предлагаю подумать.

Это было хорошее предложение, и руки надежные.

Я глянул на Наташу, которая садилась в «Лексус» с видом королевы, и кивнул:

– Согласен, дядь Гриш. Когда совсем уеду, оставляю тебе машину. Как раз страховку надо будет продлять. За домом присмотри, ладно? Мы еще не решили, может, на продажу выставим.

– Вот с этим погоди, – покачал головой старик. – Я давеча в администрацию ездил, слышал там разговоры, что все-таки статус поселка городского типа деревня получит. Цены сразу взлетят. А на ваш домино точно цена хорошая будет. И автомобильный кинотеатр открывать собираются. Мой племянник говорил, бизнесмен какой-то выкупил кусок земли между аэропортом и деревней.

– Это где забор и шлагбаум поставили, что ли? – уточнил я.

– Да, то место, – подтвердил сосед. – И там еще искусственное озеро будет – платный пляж, катамараны, ресторан. Место там хорошее, у реки.

– А я слышал, что торгово-развлекательный центр строить хотят.

– То с другой стороны трассы будет, – кивнул сосед. – Московские там хозяева теперь.

Кольнуло в груди – жалко уезжать как-то стало. Но я отмахнулся от этой мысли, как уже привык отмахиваться от них вообще – когда голова занята только работой, дышать проще. И я собирался в ближайшие дня махнуть в Краснодар, присмотреться, почву провентилировать и к переезду подготовиться. Заодно жену проветрю, она уже ножками от нетерпения дрыгала у меня.

За неделю, что уволилась и дома свои хахаряшки собирала, плешь мне проела этой поездкой. А я смотрел, как она всякую чушь собирала с собой, и диву давался, зачем все это во временную квартиру тащить? А потом куда? Но махнул рукой – чем бы жена ни тешилась, лишь бы не плакала. А у нас мир в семье восстановился, слава тебе господи! Я аж перекрестился. Все-таки правильно я сделал, что Катю раньше в город увез. И волк сытый, и овцы целы.

– Ладно, дядь Гриш, погнал я. Там коптильня еще сутки будет работать – заглядывай время от времени, ветки вишневые подсовывай, ладно?

Кате свинину коптил, как она просила. Картошку выкопать и огород убрать нанял бабок соседских. Гусей перебил всех за раз перед очередным приездом к Кате, перья со шкурой снял, а мясо мы уже у нее дома на фарш пустили. Катя пельменей налепила, как хотела. Я пару раз с удовольствием наелся их от пуза.

Вот сало осталось докоптить. Морозилку новую Кате мясом забили, тушенки она наварила. Я по мере сил старался ей жизнь после меня по максимуму обеспечить.

Да только все равно последним мудаком себя чувствовал. Не отпускало никак.

Махнул рукой на свои мысли, снова их прогоняя, а сосед за жест прощания принял, тоже махнул да к себе в ограду пошел.

Я с тяжелым сердцем за руль сел. Наташка щебетала что-то, я не слышал и не слушал. Так, обрывки долетали до мозга: ресторан, билеты, спа-клуб, депутат...

Вот на депутате я встрепенулся.

– О, черт... Женька же на дэрэ приглашал, надо подумать какой подарок сделать, – озадачил жену.

Понятия не имел, что подарить избраннику народа.

– Ой, да что тут думать? Денег всем надо, только депутату больше, – фыркнула жена.

Я на нее покосился недоверчиво. Деньги... Ну и что это за подарок взрослому мужику? Насмешка, типа он сам не в состоянии заработать. Я бы оскорбился. Это подростку деньги нужны на карманные расходы.

Вспомнил, что Женька Катю тоже пригласил, решил, что позову ее купить подарок и заодно снова присмотрюсь, что она выбирать будет. На ее разумность я почему-то рассчитывал и уже привык ее чутью доверять.

Так и произошло на следующий день.

Наташа отправилась покорять салон красоты и спа, а я поехал к Кате.

– Артеммм... – как обычно, обняла меня за шею и подставила губы для поцелуя.

Мне нравилось ее целовать. Каждый поцелуй затягивался и возбуждал. Поцелуй на пороге и сразу в постель стало уже чуть ли не ритуальным действием.

В этот раз я не отказал себе в этом же.

Раздел Катю, хотя всего и надо было снять уже привычное голубенькое платице в сиреневый и белый мелкий цветочек, и уложил на теплую постель – Катюша спала, когда я приехал к ней.

Развел ножки, зацеловал их от пальчиков до развилки, накрыл ртом взмокшие складочки, поиграл языком между ними, заигрывая с набухшим клитором.

Чудно, но Катя последнее время секса хотела больше, чем обычно. Вспыхивала быстро, кончала сильно, вела себя раскованно и не стеснялась просить, как ей хотелось.

Я называл ее своей царевной-лягушкой: ножки нараспашку, в коленях согнутые, чуть не плашмя на постели лежат, живот большой выпирает, руки за голову раскинуты, титьки торчат дерзко, соски большими стали.

И я с членом своим пристраивался и трахал с упоением, наглаживая ее всю. Потом спиной к себе переворачивал, горочкой ставил – жопка кверху, титьки на постель – и сзади делал еще заход, любясь ямочками на пояснице. Потом попку ее расцеловывал и последний раз языком в таком вот положении до еще одного оргазма доводил.

Потом Катюша толкала меня на край постели, опрокидывала на спину и делала минет. Да так, что и не мог уже, а кончал. Я все время диву давался – как она так меня лучше жены знает? У меня от ее ласки, когда кончиками пальцев по бокам проводила, по животу, по шее, по

грудь, мурашки величиной со слона бегали, а в животе что-то трепетало так, что я выгибался со стоном и охал от наслаждения.

Вот в такие минуты я ее слова про «не мешать взрослым интимной жизнью заниматься» теперь постоянно вспоминал.

Спускал Кате на язык спермы добрую ложку и любовался лицом красивым, довольным, взглядом сытым, телом совершенным в беременности даже. От этого ее вида в груди тепло так становилось, даже жарко, когда смотрела на меня, сидя у моих ног, снизу вверх. Да только чувство, что наоборот.

Царевна она. Хоть и пока лягушка.

Екатерина Премудрая.

Мне ей, как холопу неумному, глупости говорить тогда хотелось. Всякая чушь в голову лезла и с языка капала. «Люблю», «с тобой буду», «никогда не брошу»...

Потом по морде себе надавать хотелось или голову об угол расшибить за то, что дичь эту нес. Я у нее сына заберу. Какая любовь? Это как у нормального мужика к женщине, его ребенка носящей, просто благодарность выплескивалась.

Дал себе обещание прикусить язык, если еще раз такое ляпнуть захочу.

Помог одеться Кате, застегнул ботиночки и повез в магазин депутату подарок выбирать.

Катя

– Нет, Артем, галстук ему его женщина может преподнести, а ты, как старый приятель, бутылку хорошего алкоголя можешь подарить. Я, как малознакомая ему женщина, какой-то сувенир, лучше всего функциональный. Памятные вещи близкие дарят.

Два часа шопинга по бутикам в торговом центре меня изрядно утомили. Артем увел меня на этаж с кафешками, усадил на диван и принес мороженое. Себе взял сэндвичи и с удовольствием уплетал уже второй.

А я так и видела, как мы вот так же, только еще с коляской и нашим сыном, сидим тут же, но выбираем подарок для малыша.

– Вот скажи, Кать, откуда ты все это берешь? – смотря на меня широко распахнутыми глазами, спросил Артем.

Я пожала плечами:

– Просто читаю много. Чем еще заниматься?

– А чем бы ты хотела?

– Мне нравится блоги вести. Я бы еще взяла пару на разные темы, – пожала плечами. – Подумала на днях, что можно создать группу для мам. Чтобы опытные советами делились, совместные закупки делать.

Артем как-то скептически на меня посмотрел. Ну да, он мужчина, к тому же не какой-то офисный червь, а человек, который привык пахать и рассчитывать только на себя. На него можно положиться во всем, что касается его деятельности и работ в доме по мужской части. Они с Наташей вообще странная пара. Никогда бы не подумала, что она свяжет жизнь с рабочим. Студенткой она мечтала покорить сердце мажора, мечтала блистать в мехах и платине с сапфирами.

Хотя Артем сам себе хозяин. Свой, хоть и рабоче-крестьянский, бизнес у него в наличии. Не то, о чем Наташа мечтала, но за неимением мажора...

А Наташа его стимулирует своими хотелками. Нет, все-таки неудивительно, что они вместе. Тот самый случай, когда за спиной мужчины стоит та самая женщина.

Я вздохнула от этих мыслей и воткнула квадратную ложечку в мороженое. Если бы не была беременна от Артема, наверное, вот в этот момент бы сказала ему, что нам лучше расстаться. Что мне пора найти *своего* мужчину и тоже стимулировать его своими хотелками.

Но когда снова подняла взгляд на Артема, поняла, что утонула в бермудском треугольнике нашей связи безнадежно. Я люблю Артема. Наташа воспринимается мной уже как данность, неизбежное зло. Грустно до слез от того, что у моего сына будет приходящий папа.

И я была рада, что наши отношения с Наташей разорвались окончательно.

– Кстати, – спохватилась я, – надо зайти в салон сотовой связи. Мне нужна новая сим-карта. Хотя еще лучше – новый телефон. С хорошей камерой, чтобы фотографировать сыночка и снимать видео. Как думаешь, если завести ему страницу в соцсети, пока закрыть ее и выкладывать фото и видео туда, а когда ему будет лет шестнадцать, подарить ему эту страничку, м?

Артем на минуту замер, задумался, потом ответил, как мне показалось, с разрозненными чувствами:

– Не перестаю удивляться тебе, Кать...

Что бы это значило? И почему он словно потемнел лицом и отвернулся?

Артем

На душе скреблись тигры.

Последнее время все сильнее и чаще. Да что там – непрерывно. Рядом с Катей мне становилось неуютно.

Точнее, наоборот.

Черт, все не так. Без нее – тянуло к ней, аж не вмоготу. С ней – готов бежать от нее, от себя...

Бесило от того, что от жены не получал тех эмоций, на которые подсел, которые давала мне Катя. С Катей – бесило то, как чувствовал себя рядом с ней. Каким-то неполноценным чудовищем.

Больше всего на свете хотел, чтобы все это, наконец, закончилось. Разорвать этот чертов треугольник, выбить у него днище, уничтожить острые углы, осколками резавшие мне сердце.

Если бы можно было поторопить природу, чтобы сын родился раньше...

Сегодня нужно идти в клуб – день рождения у Женьки. Как и подсказала Катя, я купил бутылку дорогого коньяка. Она долго выбирала стильный планер-ежедневник. В итоге купила очень даже статусный: в кожаной обложке, с флешкой, отделениями для телефона, плоским сенсорным калькулятором и стильной ручкой в строгом дизайне. Я бы не удивился, если бы в него был встроен планшет и клавиатура. Вещь действительно четкая. А главное – в магазине, где его покупала, сделала именную гравировку на обложке. Неизменное Катино внимание к мелочам.

А я ей кольцо так и не подарил. Поймал себя на мысли, что сапфиры любит моя жена. И платье на днюху она надела как раз в тон камню на колечке. К черным длинным волосам глубокий синий очень подходил.

Я достал футляр с кольцом и поставил перед женой:

– Надень. К платью как раз.

Наташа расчесала собранные в высокий хвост будто лакированные волосы – блестящие, один к одному по длине и гладкости – и снисходительно посмотрела на футляр.

– По какому случаю? – вздернула бровь.

Стерва. Почему-то раньше то, что в ней нравилось, то, что держало в тонусе, стало раздражать и утомлять. Просто принять подарок – это так трудно? Нужно выкатить вопрос и заставить чувствовать себя чем-то обязанным? Говном, которое не способно ни на что?

Я просто молча вышел из комнаты. Давно бросил курить, но сейчас бы дунул от души, чтобы погасить в груди недовольство и злость. Не с таким настроением нужно ходить на дни рождения.

Но поехал с тем, что есть.

В клуб пустили, сверившись со списком. Охрана на входе вежливо открыла перед нами с Наташей дверь. Она прошла к гардеробу, скинула мне на руки пальто и подошла к зеркалу, пока я сдавал одежду. Я успел заметить куртку, которую покупал Кате. И подумал том, что не предупредил жену о том, что познакомил Катю с приятелем и что она приглашена тоже.

Сейчас уже говорить было поздно. И почему-то и не хотелось. Я все еще бесился, но сам не понимал истинной причины этого раздражения и злости.

Не знал почему, но ждал от Наташи провокации, подвоха и... жаждал этого. Мне жизненно важно было за что-то наказать ее... Или себя? Я ни черта не понимал.

Будь я беременной женщиной, списал бы на гормоны. Но я не беременная баба! И что со мной происходило, уразуметь не мог.

А сегодня и не хотел.

Я снова решил, что подумаю об этом завтра.

– А эта что тут делает? – прошипела Наташа, больно ногтями вцепившись мне в руку даже через ткань пиджака и рубашки.

Я поморщился и отцепил от себя жену.

– Не эта, а твоя подруга. Я познакомил их с Женькой.

– Зачем? – сквозь зубы шипела Наташа, придерживая мой шаг.

Ей просто нужно было сдeditь яд. Я раньше не замечал в ней столько этого вещества.

– За тем, что когда мы уедем, ей будет нужен кто-то.

– Депутат? То есть моего мужа в постель ей было мало?

Я внимательно посмотрел на жену.

– То есть тебя бесит, что после замечательного меня ей, может быть, достанется депутат? – вздернул бровь. – И ни капли претензий, что я, гад такой, попользовался твоей подругой, ее телом во всех мыслимых смыслах и теперь подкладываю ее под приятеля?

Наташа что-то еще прошипела нечленораздельное и пошла к столам, за которыми уже расположились сам именинник, Катя и еще несколько человек, в основном, мужчин.

Когда все руки были пожаты, подарки вручены, присутствующие представлены друг другу, Наташа села за стол. Я на пару секунд замешкался и выбрал место напротив нее и Кати, которая сидела от меня наискосок рядом с Женькой, возглавлявшим застолье.

Я взглянул на Катю и почувствовал себя собственником, когда приятель нагнулся, что-то сказал ей на ухо, а она кивнула в ответ с улыбкой. Мне достался от нее лишь быстрый взгляд.

Зато я мог смотреть на нее, прикрываясь тем, что смотрю на приятеля. Так или иначе, Катя оказалась под моим постоянным вниманием.

И это дико злило Наташу.

Глава 6. Муж – голова, жена – шея

– Когда тебе двадцать, ты ей говоришь: хочу долбить тебя всю ночь, как перфоратор. А когда тебе тридцать пять, ты говоришь: хочу перфоратор...

Спустя два часа застолья и несколько бутылок элитного алкоголя днюха депутата с видными людьми в числе приглашенных уже ничем не проигрывала простой студенческой попойке. Атмосфера царила раскованная, все смеялись, шутили ниже пояса, незамудренно делились жизненным опытом вот в такой непротивительной формулировке, как выдал глава администрации.

Новый взрыв хохота за столом, звон бокалов, затертый до оскомины тост... Настроение у меня не то чтобы выправилось, скорее зашлифовалось весельем.

– Ну а ты когда жениться собираешься? – спросил один из гостей у именинника. – Депутат ведь должен быть семьянином. Тебе избиратели дали карт-бланш потому, что ты в расцвете сил – самое время завести жену и ребенка.

– Ох уж эти условности! – со смехом покачал головой Женька. – У меня целый список качеств, которыми должна обладать моя жена. Только я ее хочу не завести, – Женька поднял указательный палец, – а встретить и полюбить.

И этим своим заявлением завоевал сердца своих избирательниц, сидевших за столом. Они заплотировали ему с одобрительным «О-о-о!»

– А про список давай подробнее! – хохотнул начальник отдела полиции. – Начни с возраста! Я предоставлю тебе контакты подходящих городских барышень, не обремененных мужьями!

– И можно будет устроить отбор невест, – хихикнула чья-то спутница.

– Потом запереть победительницу в высокой башне, нанять дракона ее охранять и пусть Евгений Георгиевич спасает ее! – захохотал на это сосед моей жены по застолью.

Наташа держала в руке бокал с красным вином, откинувшись на спинку кресла, и больше слушала, чем общалась. Зато когда говорила, сразу привлекала к себе внимание.

В этот раз тоже не обошлось без ее замечания:

– На все мужские списки у женщин один ответ...

Она замолчала. Харизму проявляла. Прямо Ленин на бронепоезде. Раньше мне это нравилось... Наташин звездный час.

Все смотрели теперь на нее – ждали продолжения. Именинник пожертвовал собой, задав Наташе вопрос:

– Мне бы хотелось узнать эту страшную тайну, чтобы мои попытки найти жену не провалились! – Он непринужденно засмеялся, и гости его поддержали. – Что я должен для этого сделать? – хитро улыбнулся моей жене, ожидая ответа.

А я снова бесился на жену. Почему нельзя быть проще? Королева, мать ее...

Однако я думал, что бесился. Потому что шкала «Я зол» взорвалась, когда она, глядя мне в глаза, сказала насмешливо:

– Потому что за любым решением мужчины всегда стоит женщина. Никто же не отменял правило: муж – голова, жена – шея.

Сказала она, сидя в компании состоявшихся в жизни мужчин, среди которых только я был говновозом. Наташа перешла границы.

Над столом снова повисла неловкая тишина. Кто-то тихо кашлянул. А у меня в ушах зашумело от того, что от ярости кровь бросилась в голову.

– Пойдем потанцуем, – протянул я жене руку через стол, стараясь сделать этот жест твердым, хотя меня всего трясло.

Вместо танцплощадки я увел жену в туалет. Здесь, для вип-персон, они были не общими с кабинками, как в Выселках в клубах, а отдельными, с раковинами и биде.

Я замкнул дверь, решительно и молча взялся за низ платья жены и дёрнул его вверх. Она только пикнула, и я рыкнул:

– Лучше молчи...

Лифчик отправился в мусорное ведро, колготки и трусы тоже. Скоро жена стояла передо мной голая. Не смотря на нее, я расстегнул рубашку, снял брюки и трусы. Мне для этого пришлось разуться. Осмотрелся, опустил крышку унитаза, сел на нее и дёрнул на себя Наташу.

Я был пьян и невменяемо зол.

Заставил жену сесть на мои колени ко мне лицом. Схватил за волосы одной рукой, оттянул голову немного назад. Второй гладил член, готовый к наказанию вздорной зарвавшейся жены.

– Ты совсем охренел?! – Наташа вцепилась в мою руку, которой я больно стискивал ее волосы.

– Рот закрой, – процедил я сквозь зубы. – Откроешь, когда член в него вставлять буду. А теперь слушай внимательно. Говоришь, муж – голова, жена – шея, куда хочу туда верчу? – Я недобро прищурился. – Все верно, любимая, только ты не понимаешь, о чем говоришь. Голова – вот, я зажал член кулаком, оголив головку и наклоняя голову жены, чтобы смотрела, куда я показываю. – А шея, моя дорогая, вот она, – я заставил жену встать и насадил ее на стояк. – Давай верти.

– Артем... – пикнула Наташа.

Но я врезал ей по заднице и схватил за горло, заставив жену вытянуться стрункой, прижимая ее к себе плотно. Меня просто крыло от ярости.

– Ну! – потребовал грубо. – Шевелись, моя любимая. Да так, чтобы я ради твоих хотелок в лепешку захотел расшибиться. Чтобы у меня мозг отключился, и я б тебе звёзды с неба обещал достать. Или ты забыла, как я люблю? Ноги раздвинула, подмахнула – и все нормально? Нет, дорогая, секс – это не только финал, это процесс. И раз ты шея – верти. Ну!..

И я снова грубо шлёпнул ее по заду.

Я видел в глазах жены обиду, страх, непонимание. Но она посчитала, что безопаснее начать шевелиться. Только меня это вялое черт-те что не устроило.

– ...Нет, милая моя шея, на члене ты должна быть шлюхой. Я тебе напомним, как люблю ебашца. – Я потянул ее за горло выше. – Давай, родная, поехали. Опустилась – вниз и назад, села плотно, пизденку сжала... Сжала, сказал! Быстро! – хлестанул по жопе, и Наташа сдавила член мышцами. Я оскалился и потянул ее за горло вверх. – Теперь вперёд бедрами, вверх с протяжкой и расслабилась... И снова: вниз-назад и сжалась, вперёд и вверх – расслабилась. Сама пошла... В глаза мне смотри!

Я в ее глаза смотрел. Влажные, блестящие, темные.

Наташа послушно двигалась, как мне нравилось, как я ее когда-то учил. Но это было ещё не всё. Я ее больше не шлёпал, за горло продолжал вытягивать, а второй рукой титьки мямл, жёстко, сгребал пальцами, заставляя стонать и вздрагивать. И прекрасно видел, что жена заводится. Движения на члене стали быстрые и размеренные, она слегка вспотела.

Я двигался навстречу, принимал ее на член на всю длину, вдавливался глубже и ловил кайф от процесса. Не хватало малости.

– Трогай меня, – потребовал.

Наташа больше не сопротивлялась. Да и кто б ей позволил? Одной рукой упёрлась в мое колено, второй схватила меня за сосок.

У меня они тоже эрогенная зона, мне тоже нравилось и возбуждало, когда она лизала их и покусывала, или, как сейчас, оттягивала, причиняя небольшую боль. Только Наташа забыла уже об этом. Я бы зажмурился, чтобы чувства обострились, чтобы туалетная обстановка не

отвлекала. Но я смотрел жене в глаза. Слез в них больше не было. Похоть в чистом виде. Я стонал, жена тоже. Давно мне не было с ней так хорошо. Я отпустил ее горло, сжал половинки добротной задницы и синхронно подмахивал нижней *головой* навстречу глубокой *шее*. Наташа стискивала меня мышцами, текла, как река, и я закусил губу, чтобы не орать от удовольствия. Проорусь дома, потому что живой из-под меня жена сегодня не выползет.

Мне, черт возьми, надоела тина на нашем семейном сексе. Наташа снисходила до меня, раздвигала ноги, позволяла ласкать ее и трахать, и все это уже давно стало игрой в ее ворота. Мне оставалось лишь финальное удовлетворение. Так себе расстановка сил.

Катя даже беременная азартнее и живее. Мне дико нравилось, как она садилась на пол между моих ног, разводила их широко, подсовывала теплые ладошки под задницу и нежно поглаживала большими пальцами яйца, местечко под ними и тонкую кожу в паху. Член от этого вздрагивал, я сам весь вздрагивал и плавился от удовольствия. Мне нравится стонать, когда меня ласкают, а ласкать Катя умела. Плотно обхватив член губами, не заламывая его, посасывала и насаживалась ртом, направляя меня в себя ладошками, сминавшими ягодицы, туго скользя по уздечке и обволакивая языком головку. Ощущения – запредельные.

Почему Наташа забыла о том, как я люблю?

Теперь Наташины хотелки будут удовлетворяться после убойного секса. Пусть она теперь заслуживает, а не я. Что там она просила на днях? Шубку пора покупать новую? Согласен, но сначала потрудись, любимая жена.

И она трудилась. Запах секса и похоти можно было черпать ложкой, стонали мы оба в голос, и было плевать. Лично я был возбужден до такой степени, что мог бы трахнуть ее посреди полного людей танцпола и не заметить их. В глазах стояла розовая дымка, головка пульсировала в предвкушении, меня крупно трясло.

Я снова взял жену за горло и вытянул в струнку, сжал половинку ее большой жопы и быстро, в такт ее движениям, засаживал ей член по самое не могу. Дыхание сорвалось, стоны рвались на нечленораздельные звуки.

– А-ах-хах-хх... – задергалась Наташа, ритмично и судорожно стискивая меня мышцами.

– Ах, моя ты ненаглядная... – простонал я, дождался, когда оргазм пройдет, стащил ее на пол перед собой, взял член в кулак и направил ей в рот: – Вот теперь открывай и делай, что надо.

За волосы взял и задал ритм.

Я кончил с озверелым стоном, мычал, как бык, и сцеживал густые капли. Вот такая она мне нравилась. Глаза распахнутые, рот раскрыт, розовый ласковый язык принимает семя.

Если бы еще оно в дело шло. Но Наташа – пустышка. Сколько ни вливай – добро пропадает.

Любое добро пропадает в ней, как в черной дыре.

Я оставил жену в покое и пошел к биде подмыться. Потом надел трусы и брюки.

Наташа освоила биде после меня, вытерлась бумажными полотенцами и выкатила презентацию:

– И что мне теперь, трусы и лифчик из помойного ведра доставать?

Я ухмыльнулся и застегнул рубашку:

– Нет, ты будешь ходить без трусов и лифчика.

– Ты совсем дурак? – вытаращила на меня глаза и посмотрела на свое короткое платье, что опускалось всего на ладонь ниже задницы.

– Нет, моя дорогая. Я хочу, чтобы твои соски торчали, хочу ходить возбужденным и опасаться, что тебя трахнет кто-то другой, если вдруг узнает, что ты без трусов. Хочу вмазать кому-нибудь, когда сунет тебе руку между ног и зажмет за титьку в темном углу. Хочу тебя ревновать и гордиться тем, что ты – моя. Что вот эта жопа – моя, – подошел, прижался к жене пахом и сжал ее задницу пальцами, запустив их под платье. – Я хочу видеть только тебя, ловить

твои взгляды, получать намеки на твое желание, хочу думать, что чувствую запах твоего желания. Я хочу быть мужиком, влюбленным в тебя, боящимся тебя потерять. Ты чуешь, Наташа? Поэтому ты будешь сверкать голым задом и торчащими сосками. И ты *постарайся*, чтобы они торчали. Чтоб на тебя смотрели мужики и облизывались, чтобы мне было кому надрать морду, потом схватить тебя и отъебать в качестве примирения и утверждения моей собственности над тобой. Поняла, моя дорогая? Ты же *шея* – верти. Оправдывая свое гордое звание, которое ты нагло прилюдно бросила мне в лицо.

– Так это ты мне мстишь? Как мелко и не по-мужски, – презрительно скривилась.

– Вот и заставь меня вести себя по-мужски. Клянусь, если не сделаешь это – моя связь с Катей покажется тебе невинной беседой. Я приведу домой шлюху, чтобы дала тебе мастер-класс, как нужно вертеть *шеей голову*.

– Ты об этом еще о-очень пожалеешь, – прошипела жена.

Я оскалился в нарочитой улыбке и выпихнул жену из туалета.

Наташа сразу из коридора направилась к столу, но я дернул ее за руку за собой на танцпол – как раз начался медляк. Вытащил жену в круг свободного пространства, притянул к себе, прижал и повел в танце, положив руки ей на бедра. Засосал губы в напористом глубоком поцелуе с языком, оттрахал им ее рот, ведя ладонями по бокам, слегка задирая платье.

Я провоцировал окружающих мужиков, хотел, чтобы Наташа чувствовала себя голой и незащищенной, чтобы ее облизывали голодными взглядами. Конечно, я не светил ее уж совсем, но лапал как чужую, снятую на час для ясных целей. Тискал за зад и титьки, снова целовал, пока сам не завелся опять.

И вот на этом моменте остановился. С дубиной в штанах взял Наташу за руку и повел за стол, к месту напротив моего. Ее мелко потряхивало, в глазах горели вызов и паника, а я мрачно усмехался.

Я был зол, возбужден и сам себя боялся.

Катя

Когда Наташа прилюдно прошла по самолюбию собственного мужа, я испытала испанский стыд. Опустила глаза и зажмурилась, а когда взглянула на Артема, увидела, что от гнева он покраснел.

Казалось, все это заметили, но всем хватило такта не обсуждать это, когда Артем увел жену «потанцевать». Уж не знаю, что за танцы у них были в коридорчике за дверью, но потом на танцполе Артем вел себя отвратительно развязно. А когда вернулся за стол, его губы были плотно сжаты, а глаза метали в Наташу ядерные ракеты «земля – воздух». Никогда не видела его таким... злым? Вряд ли. Он был в каком-то невменяемом бешенстве, казалось, способен даже не покусать – загрызть буквально.

– Пойдем и мы потанцуем? – пригласил меня именинник.

Я улыбнулась Жене.

Он оказался очень приятным мужчиной и оказывал мне, единственной оказавшейся без спутника женщине на его празднике, много внимания. Я совершенно не чувствовала себя одинокой или лишней – Евгений просто не оставлял шанса этим ощущениям даже возникнуть, не то чтобы завладеть мной.

Я едва ли смотрела на Артема. Не потому что такая легкомысленная и мгновенно увлеклась депутатом. Просто тут была Наташа, я не хотела доставлять Артему неудобства и как-то провоцировать уже бывшую подругу.

Но это не значило, что Артем на меня не смотрел. Постоянно. Его взгляд с именинника соскальзывал на меня. И мне бы даже хотелось, чтобы это случалось реже, не провоцировало Наташу, но Женя был в центре внимания, а я по его воле находилась рядом с ним.

– Давай потанцуем, – согласилась я и взяла именинника за предложенную руку.

Мы вышли на площадку, полную людей. Не так чтобы «яблоку негде упасть», но все же к этому часу в клубе собралось много активного народа. Женя положил руки мне на спину, я обвила своими его шею. Подумала, что получилось излишне интимно, и опустила ладони на плечи, но вдруг услышала протест:

– Оставь, – как-то очень проникновенно попросил Женя и шокировал меня еще больше: – У меня приятные мурашки от твоих прикосновений.

– Я, наверное, должна что-то на это ответить, – засмузилась. – Но – ой... Ничего в голову не приходит.

– «Ой» подойдет, – улыбнулся именинник. Несколько секунд мы молчали, потом он спросил: – Катя, знаешь, что я сейчас делаю?

– Танцуешь? – с улыбкой прищурилась я.

– Прислушиваюсь к ощущениям.

– Наверняка тебе мешает мой живот, – улыбнулась еще шире.

Конечно, беременность не очень располагает к танцам, но и не мешает им. Живот вообще начал активно расти не так давно, на дирижабль я еще не стала похожа. Наверное, ближе к родам живот будет уже как шар, а пока он как аккуратный купол.

– Ну нет. Точно нет. – Он помолчал и снова удивил: – Катя, я бы хотел пригласить тебя на свидание. – Я только открыла рот, чтобы ответить, – но Женя перебил: – Не отвечай сейчас. Я знаю, что ты откажешь. Но так же понимаю, что ты свободная девушка. Иначе бы не пришла сегодня на мой праздник.

Что на это можно было ответить:

– Да, я свободная девушка... – вздохнула тяжело, и Женя в ответ чуть ближе прижал меня к себе.

Я хотела еще добавить к своим словам, что свобода у меня условная, потому что сердце занято, но в это время сын будто вместо меня захотел оттолкнуть чужого мужчину подальше и сильно пнул.

Женя как-то изменился в лице, опустил взгляд на живот и глухо спросил:

– Это то, что я думаю? Ребенок толкается?

– Да... – я поморщилась, потому что сын не просто толкался, он будто джигу танцевал.

– Это больно? Неудобно? – обеспокоился Женя. – Прости, я растерялся. Это так... странно. Вернемся за стол?

– Нет, я, наверное, домой поеду. Вызову такси.

Мне вдруг стало нехорошо. Сын будто в агонии бился. Хотя беспокоиться мне вроде бы не о чем, ведь я исправно ездила к врачу, делала УЗИ, сдавала анализы.

Женя довел меня до кресла, поддерживая. Если бы не он, я бы упала. Голова кружилась, звуки слились в какофонию, а общее состояние было какое-то... предбесчувственное.

Я присела перевести дух и посмотрела на Артема. Он встретил мой взгляд и весь подобрался, сжал губы. Смотрел остро, напряженно. Я отвернулась, и от этого простого движения головы сознание поплыло.

Артем

Кате было плохо. Это было видно – она побелела, ее взгляд плыл, сама она была напряжена и держалась за живот. И Женька выглядел обеспокоенным, кому-то звонил, держа ладонь на спине Кати, будто контролировал ее состояние... или удерживал в сознании.

У меня во рту пересохло, хмель из головы испарился, злость на жену исчезла, будто не было.

Я пересрался. Точнее не скажешь. Так испугался за Катю и сына, что вскочил, будто в теле выпрямилась пружина. Бросился к Кате. Не видел, кроме нее, никого и ничего. Казалось,

слышал ее бешеное сердцебиение и чувствовал панический страх. Упал перед ее креслом на корточки, схватил за руку, пристально взгляделся в глаза:

– Катя, что случилось?

– Я не знаю... – прошептала она, мне показалось, с усилием, будто это простое действие отбирало ее последние силы.

– Я вызвал такси, – сообщил Женька.

А я чуть не взорвался:

– Какое такси?! Ты спятил?!

Лихорадочно полез в карман за телефоном. Руки дико тряслись, и я, как в плохом кино, чуть не выронил сотовый лапоть, но все же три цифры набрал – скорее на панике, чем осмысленно. А когда мне ответили, заорал, перекрикивая музыку:

– Скорая! Беременной плохо...

Завершив вызов, я подхватил Катю на руки и понес вниз, в гардеробную, чтобы одеть ее и встретить скорую с ней. Теперь, когда попросил о помощи, паника слегка отпустила, и я начал слышать голоса и видеть окружающих. Или это включился безопасный режим передвижения – трудно мчаться суперменом с женщиной на руках, если не видеть препятствия.

Первой я увидел жену. Нужно было ей что-то сказать, но я не хотел. В груди снова подняла голову злость на нее. Я отвернулся и проигнорировал непонимающие, сочувствующие и недоуменные – у кого какие – взгляды Женькиных гостей. Было плевать.

Скорая приехала быстро. Когда Катю укладывали на носилки, я порывался поехать с ней.

– А кем вы приходите беременной? – поинтересовалась грузная женщина с толстой гулькой и в очках.

– Я... отец ребенка, – ответил и снова шагнул к машине.

Но дама в медицинском костюме закрыла передо мной дверцу и снисходительно ответила:

– Позвоните будущей мамочке через час-два. И не беспокойтесь, все с ней будет хорошо. Повезем в роддом.

Машина тронулась от ступенек перед входом в клуб. Я проводил ее взглядом, развернулся, чтобы вернуться, и увидел в двух шагах именинника.

– Отец? – спросил он.

– Все сложно, – буркнул я.

Я очень волновался за Катю, но все же теперь, когда она в руках медиков, меня отпустило.

– Как раз хотел спросить, знаешь ли ты, кто отец. Но ответ нашелся... неожиданный.

– Давай не начинай, – я поморщился.

Мы так и стояли у входа, оба не делая попытки вернуться за стол в веселую компанию. Мне вдруг показалось это неуместно. Там будто стало пусто и нечего делать.

– Да, это должен быть трезвый разговор, – кивнул Женька. Я хотел возразить, сказать, что не о чем говорить, но депутат поднял ладонь, предостерегая меня. – Не время и не место. Идем. Там твоя жена объясняется – рассказывает, как вы дружны и как собираетесь растить Катиного ребенка одной дружной семьей.

Я возмущенно вскинулся, снова обожгло злостью на Наташу – мог себе представить, *как* она это сказала. Но в то же время мелькнуло восхищение тем, что моя жена умеет выкрутиться из любой ситуации, сложившейся не в ее пользу – этого не отберешь.

Мы вернулись к гостям. Застолье протекало непринужденно, звучали шуточки, смех, начались свободные передвижения, а места уже не были закреплены за гостями – торжество вошло на этап установления тесных нужных контактов.

Один такой присел рядом с моей женой и что-то с ней активно обсуждал – я не прислушивался к словам. Но прислушался к своим ощущениям. Я требовал от Наташи провокаций

ради ревности, требовал освежить мои к ней чувства, задеть меня за живое, заставить адреналин в крови вскипеть.

Но вместо всего этого будто кол проглотил, сидел перед своей тарелкой и ждал звонка. Знал, что он будет.

И не обманулся. Спустя два часа, когда веселье перешло в третью стадию «можно все», телефон завибрировал в нагрудном кармане. Звонили с городского номера. В животе тут же скрутилась в ком тревога.

– Артем Владимирович, это Лев Константинович. – Врач, с которым у нас действует платный уговор. – К нам поступила Старкова. Готовим операционную для кесарева...

– Что?! – я вскочил. – Это не опасно? Она выживет?

Врач засмеялся:

– Обычная практика. Но вы не волнуйтесь, все будет хорошо. Однако вашей жене нужно с паспортом и полисом лечь в палату не позднее восьми часов утра, пока длится мое дежурство.

– Понял. – Я схватился за лоб, и оказалось, он мокрый от пота. Меня трясло. – А Катя? Как она... после операции?

– Вы меня удивляете. Так нам, если что, спасти мать или ребенка? – со смешком уточнил врач.

У меня мороз прошелся по коже. Перед глазами встала картинка разрезанной мертвой Кати, и горло будто колючей проволокой сдавило.

– Мать, – прохрипел я.

– Ну это я так просто спросил. Ничего ей не угрожает. Но в свете наших договоренностей вы сделали неожиданный выбор. Привозите жену. Сменную одежду не нужно, ей все тут выдадут.

Он завершил вызов, а я обессиленно опустился на стул. Сердце билось загрохотом. Я все еще видел перед глазами мертвую Катю. И это было так страшно, что дышать все еще удавалось с трудом. Меня бросало то в жар, то в холод... от мысли, что если бы Катя умерла, это бы решило все грядущие проблемы.

Прямо сейчас я уже не представлял, как лишу Катю ребенка.

Но я, будто сам себе чужой, встал, подошел к жене, ворковавшей о чем-то с назойливым мужиком, взял ее за руку и глухо сказал:

– Мы уходим...

...Наташа без всяких споров, вопросов и разговоров пошла за врачом по коридору ночного роддома. Она даже улыбнулась мне счастливо.

Я же этого хотел? Ради этой ее радостной улыбки прямо сейчас уничтожил другую женщину. Женщину, которая меня любит и безгранично доверяет.

Но тогда почему после долгожданной улыбки жены в сердце будто стекло воткнулось?

Наташа

Ненавижу...

Тупоголовый баран и овца – моя бывшая подруженька. Хорошая пара. Только не бывать этому. *Снова* мой мужчина упал к ее ногам. Костя, Артем... Нет, ну надо же – он ей еще и депутата подогнал! А тот и вьется вокруг атласной лентой... У-у-у, как бесят! Что они все в ней находят?!

Господи, как я ее ненавижу...

Я заберу высерка, чтобы уничтожить эту дешевку, эту колхозницу, раз и навсегда. С удовольствием это сделаю. И превращу жизнь ее выблядка в ад.

Как же долго я ждала этого момента...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.